3. Родословие по Ирине
Ташкентская сага

С внуком Петей (Москва, 1957 г.)

3.1. Мы ташкентские

Ваша бабушка Ариша, моя мать **Ирина Владимировна Павлова** (9 декабря 1911 — 6 сентября 1999) родилась в Ташкенте. Там она росла, на всю жизнь завела подруг, окончила школу, едва из школы вышла замуж за моего отца, уроженца Андижана **Антона Сахарова** и 1 ноября 1930 года, в неполные девятнадцать лет, родила меня. Уже в 1932 году мы все трое переселились в Москву, так что семьёй нам пожить в Ташкенте выпало недолго. Внушительна, однако, ташкентская история бабушкиных предков.

3.1.1. Основатель ташкентского рода

Первым в Ташкенте обосновался ваш прапрапрадед **Владимир Фёдорович Карташевский** (родился 11 февраля 1839), который приходился дедушкой по матери не только Аришиному отцу, **Владимиру Алексеевичу Павлову** (8 сентября 1885 — апрель 1945), но и его старшей сестре **Екатерине Алексеевне Назаровой**, в девичестве тоже Павловой (родилась в 1882 или 1883). К Карташевскому восходят, таким образом, обе линии нашей ташкентской родни — павловская и назаровская.

Краткая справка «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона [1] даёт пищу для гаданий о родословии самого Владимира Фёдоровича.

Карташевские *— русский дворянский род, происходит от польского выходца Ивана К., выехавшего в Малороссию и бывшего протопопом в Полтаве. Его сын Яким был войсковым товарищем (1720). Григорий Иванович К. (сконч. 1840) был сенатором. Его сын Николай (сконч. 1880) с отличием участвовал в защите Севастополя и был генерал-лейтенантом. Род К. внесён в I, II и III части родосл. книги Оренбургской, Полтавской, Харьковской и Черниговской губ.*

В другом издании Словаря [2] польский выходец назван Иваном Карташёвым. Герб рода Карташевских находится в 10 части «Общего гербовника дворянских родов Российской империи» (1836) за № 147.

Ныне Карташевские вряд ли многочисленны, среди них имеются авторы нескольких книг, в частности по переливанию крови и по сетям связи, и есть настоящий полковник, ликвидатор аварий, в том числе Чернобыльской. Сотню лет назад жил капитан Карташевский, интересный тем, что он был воспитателем персидского принца и «*настолько хорошо знал персидский язык и персидскую литературу, что персы в спорных вопросах своего языка обращались к нему и что́ ага Карташевский скажет, то и будет правильным*». Глубже в истории находим другого капитана Карташевского, который, преследуя Пугачёва, командовал одним из отрядов; он помянут у Пушкина.

Гордость рода — тот Карташевский, что отмечен у Брокгауза как сенатор. По-настоящему питомец Московского университета **Григорий Иванович Карташевский** (1777–1840) славен вовсе не сенаторством. Не бывать бы на белом свете величайшему из математиков, не попади **Николай Иванович Лобачевский** в руки Карташевскому. Вот где заслуга. Бывшие ученики Казанской гимназии отзывались об уроках Григория Ивановича с несравненной пылкостью, а один из них, писатель **Сергей Тимофеевич Аксаков**, дал ему и вовсе блистательную характеристику: Карташевский, по его словам, «*принадлежал к небольшому числу тех людей, нравственная высота которых встречается очень редко и которых вся жизнь — есть строгое проявление этой красоты*». Сей замечательный Карташевский женился на сестре писателя, включив тем самым славных Аксаковых в круг наших отдалённых родственников.

Преподаватель Казанской гимназии вошёл в историю и как один из создателей Казанского университета (1804), где служил адъюнктом высшей математики. Но в университете честный Карташевский пришёлся не ко двору, и его «ушли» в сенаторы.

Далее по ходу этой главы я расскажу о выдающихся математических талантах правнука Владимира Фёдоровича Карташевского, бабушкиного двоюродного брата **Николая Николаевича Назарова**. Напрашивается мысль, что тут игра не случая, а генов.

«*Ты не представляешь, как читает лекции Николай Николаевич! Он ходит вдоль доски очень равномерно, как маятник, и читает лекции, как стихи: ни одного лишнего слова, ни одной паузы.*

И студенты, как заворожённые слушают его.

И тема раскрывается, а доска покрывается длинными-длинными, во всю её длину, формулами; формулы меняются, они становятся живыми. И всё становится ясным и таким простым, что кажется, в этой теме нет ничего сложного.

Я влюблён в Николая Николаевича!

Да в него все влюблены!»

Это из записок школьной подруги бабушки Ариши **Марии Дмитриевны Трусовой**. Конец тридцатых, ташкентский студент Серёжа Трусов делится с сестрой университетскими впечатлениями. Если перенесёмся на 130 лет назад и заменим Ташкент Казанью, а Николая Николаевича Назарова Григорием Ивановичем Карташевским, правда восторженного текста не нарушится.

Гены, не иначе.

Единственный, зато довольно давний документ, касающийся Карташевских, достался мне от **Зинаиды Николаевны** — приёмной дочери Екатерины Алексеевны Назаровой. Это небольшая, в кожаном переплёте книжица — карманный календарь на 1836 год с дарственной надписью: «***Фёдору Владимировичу Карташевскому*** *— 3го Генваря 1836го года*». Календарик содержит полезные для петербуржца сведения, в частности дни и часы отправления почтовых лошадей. Хозяин календарика делал в нём заметы о рождении своих детей. Записи местами размыты. Главное, однако, удалось прочитать:

*Дочь **Ольга**, родилась …го февраля 1838 года пополудни в 5 часов.*
*Сын **Владимир** родился 11-го февраля 1839го года пополудни в 6 (?) часов.*
*Дочь **Мария** родилась 1 марта 1840 года пополудни в 3 (?) часа.*
*Дочь **Лида** родилась 4 августа 1841 года пополуночи в 7 часов*
*Сын **Аркадий** родился 1843 года майа 23го дня пополуночи в 4 часа*
*Дочь (**Екатерина?**) родилась 23 …ля 1845 года пополуночи в …*

Таким образом, шестеро детей вашего прапрапрапрадеда Фёдора Карташевского родились в период 1838–1845 гг., по-видимому, в Петербурге. Прапрапрадеду Владимиру Фёдоровичу, родившемуся 11 февраля 1839 года, было около 26 лет в 1865-м, когда русская армия овладела Ташкентом, и около 46 лет в 1885-м, когда у него родился внук — ваш прадед Владимир Алексеевич Павлов.

Посетую на бедность ташкентских Павловых прямыми потомками. У Владимира Алексеевича — только Ариша, ваша бабушка. У его старшей сестры Екатерины Алексеевны только сын Коля, **Николай Николаевич Назаров** (23 февраля 1908 — 13 июля 1947), единственный бабушкин двоюродный брат. В следующем поколении опять скудно — двое детей у Николая Николаевича да я один у бабушки Ариши.

То ли дело шестёрка детей Фёдора Владимировича Карташевского.

Когда его сын Владимир вступил в ряды ташкентских поселенцев? Этого я не знаю. Мне говорили, что он имел техническое образование и был архитектором (мнение В. В. Пославской) то ли занимался строительством железной дороги (так считала моя мать). Согласны рассказчики были в том, что к концу жизни Карташевский отвечал за уличное освещение Ташкента.

Полагаю, что Карташевский имел дом в тупике, который долго, даже на моей памяти, так и назывался — Карташевским. Это около Сапёрных улиц в западной, гарнизонной части «нового города» (то есть русского Ташкента). В начале 80-х мне сказали, что тупик стал называться 2-м Кафановским. Насколько мне известно, родители бабушки Ариши в Карташевском тупике не жили.

3.1.2. Русский Ташкент

Согласно 19-му тому сериала «Россия» (1913) [3], накануне российской колонизации судьбу города определяла «*почти вековая борьба Бухарского и Кокандского ханств, сопровождавшаяся внутренними кровавыми смутами, дикими грабежами, казнями и убийствами*». В тот период Ташкентом владели то бухарцы, то кокандцы.

Русскими город был отвоеван у кокандцев.

В 1865 году из занятых земель была образована в составе Оренбургского генерал-губернаторства Туркестанская область с генералом Черняевым во главе, который немедленно двинулся на юг и 15 июня взял штурмом Ташкент. Взятие этого огромного города, имевшего более 100 000 жителей, до 30 000 защитников и 63 орудия, отрядом в 1950 человек при 12 орудиях произвело потрясающее впечатление во всей Средней Азии и решило дальнейшую её судьбу. Потери наши при взятии Ташкента были ничтожны.

Это правда, русские войска овладели Туркестаном малой кровью. «*С 1847 года, когда мы впервые встали твёрдой ногой на Сыр-Дарье, по 1872 год выбыло из строя убитыми 400 и ранеными около 1600, а всего около 2000 человек*».

В 1867 году было образовано Туркестанское генерал-губернаторство с центром в Ташкенте. К 1913 году — году выхода тома — определился облик столицы Туркестана. «*Город разделяется на две, резко отличающиеся одна от другой части, русскую, возникшую после занятия Ташкента русскими войсками, и туземную, существующую с незапамятных времён. Население города к 1 января 1910 года составляло 201 191 человек… из коих в русской части около 54 500*».

Две части города «*представляют как бы два особых мира, расположенных рядом и отделённых друг от друга лишь арыком Ангар (Анхар). Русская часть, основанная после занятия города русскими войсками, правильно распланирована и отличается прямыми, широкими, большею частью шоссированными, а частью и вымощенными булыжником улицами, обсаженными двумя рядами деревьев (тополи, карагач и друг.) и окаймлёнными по обеим сторонам канавками с проточной водой. В особенности хороша восточная, более новая часть русского Ташкента, отличающаяся обилием растительности и меньшей населённостью*».

В восточной части русского города, у Обуховского сквера, в двух шагах от упомянутого арыка (на моей памяти он звался Анхор), и жили обе семьи, давшие мне родителей, — Павловы и Сахаровы.

3.1.3. Дом на Романовской

Павловы жили на Романовской в доме 18 (после переименования и перенумеровки адрес стал такой: Ленина, 24). В отличие от Романовских улиц в других городах империи, наша была названа не во славу правящей династии, а в память об офицере Романовском, погибшем при штурме города. В своей центральной части Романовская была респектабельной улицей, на ней даже располагался дворец великого князя Николая Константиновича,

ставший позже дворцом пионеров. (С флигелем этого дворца, отведённом под музыкальную школу, связаны у меня самые счастливые часы ташкентской жизни в военные годы.) Ближе к восточному концу улицы её респектабельность истаивала. Дом 18 (24) был последним, именно этим домом улица упиралась в Обуховский сквер.

Что это был за дом, могу рассказать. Я в нём жил не только в упомянутые годы эвакуации, доводилось не раз и взрослым гостевать. Весной 1964-го мы проводили отпуск в Чимганских горах, Ташкент был у нас перевалочным пунктом, потому всей семьёй погостили несколько дней у родни на Обуховском сквере. То есть и ваша мама Алла, и сам Петя, в ту пору семилетний, знакомы с этим старым домом. Он простоял до землетрясения 1966 года и только тогда попал под нож бульдозера.

Понятие «дом» трудно приложить к тому, что числилось под номером 18 (24). Это было собрание разрозненных одноэтажных жилищ, плотно примыкающих друг к другу и образующих П-образную цепочку. Перекладиной буква П была обращена к самой улице, одна из ножек смотрела в переулок, другая (наша) на Обуховский сквер. Общим было внутреннее пространство — двор, в котором хозяйки держали, каждая у своей двери, маленький, размером чуть больше стола, палисадник. Сами строения, даже не приподнятые над землёй, выглядели неказисто и были, я думаю, слеплены, каждое на свой манер, из сырцового кирпича.

Жилище Павловых состояло из двух сообщающихся комнат. Дверь одной, светлой, открывалась прямо на Обуховский сквер, отделённый от стены тротуарчиком и неглубоким арыком. Возле нашей двери рос ясень, его посадила ваша бабушка Ариша, когда была девочкой. Дверь другой комнаты через небольшой тамбур выводила в упомянутый общий двор. Прихожей, погреба, кухни, подсобок — ничего такого не было. Готовили в тамбуре на керосинке или же во дворе на мангале. Общие для всех жильцов, страшноватые на вид и запах «удобства» находились в глубине двора, где, кроме того, каждая семья имела небольшой сарай.

Был таковой и у нас. В тот отрезок войны, когда я жил в Ташкенте (июль 1941 — осень 1943), ваш прадед, мой дед Владимир Алексеевич Павлов хаживал в наш сарай рубить в щепу куски саксаула для мангала. Я его иногда сопровождал. В сарае, повстречался с первым своим скорпионом, позже случалось, что скорпион обнаруживался в постели.

3.1.4. Владимир Алексеевич

В полутьме сарая вперемежку с кривыми саксаулинами лежали пыльные пачки переплетённых в картон томов, вызывавшие у деда задумчивое бормотание — поминался какой-то предок, едва ли не декабрист. Журнал «Былое»? Если такой существовал, наверно это был он.

Мой дед Володя вообще не стремился быть понятым, гундосил под нос. Переезд в Ташкент (чей? Карташевского?) невнятно обосновывал картёжным проигрышем плужного, что ли, заводика. Внятно и даже благозвучно произносил только стихи, которые декламировал, когда бывал чуточку под мухой. (Именно чуточку — видеть деда пьяным мне не довелось.)

В этом пункте мы мистически пересекаемся с одним из последних руководителей Советского государства **Леонидом Ильичём Брежневым** (1906–1982). Согласно анонимному интернетовскому источнику, Брежнев был трогательно лиричен и в 60–70-х годах в порядке душеизлияния часами

читал наизусть любимые стихи. «*До нас,* — сообщает источник, — *дошли свидетельства присутствовавших о чтении трёх поэтов: Мережковского (“Сакьямуни, каменный гигант”), Апухтина (“Садитесь, я вам рад”) и Есенина*».

Про Есенина не скажу, а что касается первых двух стихотворений, так это именно их декламировал дед как бы мне, но более себе самому.

Есенина аноним не жалует, что не делает ему чести. Авторы двух стихотворений, по его мнению, и вовсе «*относятся к каноническим источникам сборников “Чтец-декламатор”, очень популярных около 1900 г. в грамотных слоях народа и низовых слоях интеллигенции. Там печатались тексты, бьющие на эмоции, выполненные в “красивом” стиле, повествующие о “роковых”, драматически-экзотических ситуациях, рассчитанных прежде всего на компассию… Стихи самого Брежнева (он их писал в 16–17 лет) — в том же ряду*».

Учтём однако, что около 1900 г. Володе Павлову было всего пятнадцать лет, а в юном возрасте стихи действительно бьют на эмоцию и хорошо запоминаются. Мне-то было и вовсе одиннадцать, когда я слушал чтение дедом «Сакья-Муни» — и вот помню эту вещь до сих пор от первой до последней строчки, изредка даже читаю самому себе, при том не без компассии (если я правильно понимаю значение этого учёного слова).

Спору нет, Владимир Алексеевич Павлов не относился к высшим слоям интеллигенции, да и я такой же. И «Чтец-декламатор» в доме на Романовской действительно имелся в количестве двух томов. Я их перевёз в Москву.

Что ещё могу вспомнить о своём деде, с которым прожил первую половину войны? Помню, что общество деда мне было желанным. В советские времена мужчины длинных волос уже (или ещё?) не носили, но доброе, несколько одутловатое лицо деда хорошо смотрелось в старомодном пенсне и в обрамлении длинных и волнистых, как у тенора, волос. Его повседневной одеждой была толстовка, что также выглядело аппетитно. Летом на улице толстовку дополняла мягкая панама.

Владимир Алексеевич Павлов

Он ходил куда-то на службу, вечерами исчезал играть в преферанс.

Очень запомнилось, что дед всегда страдал от голода. Хлеба нам, иждивенцам, тогда полагалось совсем немного. Когда я, отоварив карточки, приносил хлеб из булочной, дед собственноручно разрезал общую навеску на абсолютно равные порции и свою немедленно съедал. Бабушка делилась с ним своей, он немного протестовал: ну что вы, Люба! — потом съедал и бабушкину долю.

Раздражался на детей за шум, не выносил бессмысленных слов и ситуаций.

Был сердечником, спасался нитроглицерином, который тогда, в начале сороковых, уже был известен.

Мы, москвичи, покинули Ташкент осенью 43-го, с той поры видеть деда мне не довелось — он прожил ещё полтора года и скончался накануне Победы. Ему было 60. Похоронен там же, в Ташкенте.

3.1.5. Елизавета Владимировна

Но я пропустил одно звено в цепочке поколений, попробую теперь восполнить этот пробел. Так вот, место, расположенное между учредителем нашего ташкентского рода Владимиром Федоровичем Карташевским и моим дедом Владимиром Алексеевичем Павловым, занимает дочь первого и матушка второго Елизавета Владимировна. Видеть её я мог только младенцем, знаю о ней по рассказам.

Вот что я записал 8 сентября 1985 со слов вашей бабушки Ариши, которая приходилась Елизавете Владимировне внучкой:

Выросла она в наверно в Петербурге, где училась у Зверева, — может быть, вместе с Рахманиновым…

Зверев — это всё-таки Московская консерватория, Рахманинов (1873–1943) поступил к Звереву в 1885 году двенадцатилетним. А Елизавета Владимировна в 1885 уже родила второго ребёнка. Как-то не вяжется. А вот в Петербургской консерватории, где Рахманинов учился в младшем фортепьянном классе с 1882 года, они могли бы (теоретически) пересечься.

…Елизавета Владимировна была интереснейший человек, она очень много знала, но ей все затыкали рот. Когда собирались гости, она выползала из-за занавески в связанных ею самой туфлях и пыталась что-нибудь рассказать, но тётя Катя тут же говорила: «Мама, идите к себе». Любочка тоже звенела ложечкой в стакане и пела ля-ля, выражая этим свою неловкость перед гостями, а это обычно были Пославские, Поваренных и Вольпин со своей скучнейшей женой Минной Соломоновной.

Поясняю: Любочкой ваша бабушка называет здесь собственную мать — её все так звали. Привычка Любочки реагировать на напряжение тихим ля-ля при приподнятых бровях запомнилась и мне. Тётя Катя — бабушкина тётка Е. А. Назарова.

Володя был младше тёти Кати, их обоих бабушка Елизавета Владимировна привезла в Ташкент к своему отцу после того, как покинула их отца, Алексея Павлова, а сама умотала в Польшу с гусаром и прижила там Маруську. Марусю она потом отдала в России на воспитание в деревню, в Ташкент Маруся приехала уже взрослой учиться. Тётя Катя, которая была с бзиками, не могла простить бабушке измены их с Володей отцу и перенесла это на Марусю. Бабушка была у неё в чёрном теле.

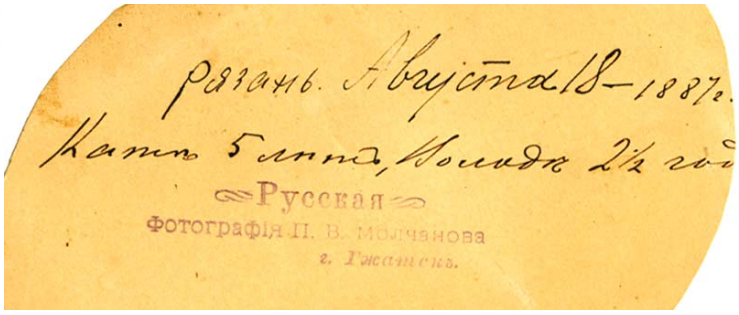
Она работала в родильном доме на Обуховской, где главным врачом была Предтеченская (это был её частный роддом), Елизавета Владимировна была у неё главная акушерка. В этом доме Любочка родила меня. Там во время дежурств Елизавета Владимировна стала морфинисткой, без опия жить не могла, а выпьет немного из бутылочки — и пройдёт. Работая акушеркой и долго после этого, она жила напротив роддома, имела комнату в общей квартире.

Елизавета Владимировна никогда ничего не говорила про Павлова, своего мужа. Он после распада семьи женился на Терезе (может быть, полячка), от которой имел двух мальчиков, они были почти ровесники Володи.

Катя Павлова (1884 г.)

Затрудняюсь привязать события ко времени. Мне кажется, что Елизавета Владимировна могла родиться примерно в 1864–65-м, когда её отцу было около двадцати пяти лет, а познакомиться с будущим мужем **Алексеем Герасимовичем Павловым** она могла в 1881–82-м, когда предположительно училась в консерватории. Однако. Если всё происходит в Петербурге, то откуда взялся смоленский город Гжатск, где в 1885-м родился Володя? На фотографии Володи и Кати, датированной августом 1887-го, опять же штамп Гжатска. Туда перевели служить их военного отца? (На единственной сохранившейся фотографии Алексей Герасимович в эполетах. Не генеральских ли? Тоже наверно из дворян, как его, оказавшаяся неверной, жена.) Или в Гжатске жила родня, к которой детей отправляли на лето?

Алексей Герасимович Павлов (1884 г.)



Екатерина и Владимир Павловы (конец 1890-х ?, Ташкент)

По окончании недолгого, как я понимаю, романтического эпизода Елизавета Владимировна поселилась в Ташкенте рядом со своими детьми. Очевидно, что и в ту пору она оставалась довольно молодой женщиной. Именно тогда она могла приобрести профессию акушерки и стала работать. «Комната в общей квартире» — это понятие советской эпохи, и навещать там свою бабушку ваша бабушка могла, когда ей самой было десять-двенадцать лет (то есть в 1921–1923 годах), а Елизавете Владимировне под шестьдесят. «Выползала из-за занавески» она позже, уже на Романовской, куда переселилась к сыну.

Ещё бабушка Ариша рассказала, что месяца через два-три после регистрации её брака с моим отцом (1929) Елизавета Владимировна переехала от сына на Ниязбекскую к дочери Екатерине («*которая её мучила и не давала ей опиума*»). Там, у Назаровых, Ариша свою бабушку тоже навещала. Когда в 1932 году мы уезжали в Москву, Елизавета Владимировна была ещё жива и ей могло быть под семьдесят. Но её уже не было в живых, когда через несколько лет Ариша «*приезжала вместе с Лялькой Пославской в гости в Ташкент — году в 38-м или 39-м, но может быть, это был 35-й или 36-й*».

К сему добавлю независимое свидетельство — рассказ **Валентины Васильевны Пославской**, записанный мною в Ташкенте 17 марта 1981 года. Однако хронологию событий иногда уловить невозможно, как и в рассказе бабушки Ариши. Валентина Васильевна — хозяйка семьи, равно близкой Павловым и Сахаровым. Её муж Юрий Ильич Пославский был университетским наставником моего отца, сама Валентина Васильевна — подругой моей бабушки, а их дочь Лялька — подругой вашей бабушки Ариши. У Пославских мои родители и познакомились.

Елизавета Владимировна была человек чрезвычайно активный. Она, видимо, кончила школу фельдшериц; я помню, она помогала, когда умирала моя мама. Она умела делать инъекции — тогда это была редкость. И замечательная рукодельница, она никогда не сидела без дела.

...Эта квартира на Обуховском сквере досталась Володе от дедушки, Карташевского. Его уже тогда не было. Елизавета Владимировна сидела за занавеской, она изумительно вышивала. Карташевский был архитектор; не знаю, почему он очутился в Ташкенте. В эти старые годы он заведовал освещением Ташкента: фонарщики были его армия. Когда он умер, эту должность принял от него Володя, он заведовал освещением и играл в карты. Он всегда был твёрдо убеждён, что выиграет огромные деньги, и говорил Любочке: «У нас будет то, то, и т. д.». Он был большая умница, никогда не забуду, как он мне рассказывал про Достоевского. Но — всегда мрачно и бормотал под нос.

Володя был очень хорошенький студент, он учился в Петербурге (кажется, на юриста), там познакомился с Любочкой, вспыхнул этот бурный роман — бросил учиться и уехал с Любочкой и Лёней в Ташкент.

В 19-м году накануне знаменитого Осиповского восстания (тогда три четверти Ташкента были в руках белых) у нас была большая вечеринка, и все люди — кавалеры, которые тогда около меня сидели, — были потом расстреляны как белогвардейцы. Но я их не знала, это была какая-то случайная компания.

Елизавета Владимировна, наверно, была ещё молода, когда от своего мужа Павлова сбежала с гусаром в Польшу. Там у неё родилась дочь, Маруся. Видимо, Володя уже был в это время в Ташкенте. Елизавета Владимировна приехала с Марусей в Ташкент, здесь девочку крестили и дали ей фамилию Карташевская. Маруся потом жила в Ташкенте, её любила только Любочка, но не Володя и не Екатерина Алексеевна. Они считали это чем-то позорным — глупо, конечно. Маруся была очень живая, весёлая девочка, она была на год меня младше — я её помню по гимназии. У нас было семь классов, кошмарная гимназия, она ничего нам не дала. Видимо, это были учителя, которые больше ни на что не годились.

Маруся потом вышла замуж и куда-то уехала, чуть ли не в Сибирь.

Не требуется большого воображения, чтобы понять, что вашей прапрабабке дорого обошлась короткая любовная история. На всю оставшуюся жизнь — отчуждение старших детей, которых она как мать несомненно любила, и необходимость как-то выкручиваться с младшенькой Марусей. Очевидно, что Елизавета Владимировна стремилась обеспечить себе самостоятельность, но к старости оказалась вынуждена положиться на милость своих судий, и если с Володей ей жилось, надеюсь, сносно, то Катя отличалась твёрдостью характера и не была способной простить мать. И некому было подарить старухе немного тепла и внимания.

Маленькая деталь: у нас нет ни одной фотографии Елизаветы Владимировны. Это при том, что все другие Павловы на снимках представлены изобильно. В 20-е годы ваша юная бабушка Ариша только и делала, что в разных позах фотографировалась со своими подружками. А сняться с собственной бабушкой ей в голову не пришло. Никакого следа! Единственный визуальный след, если это можно считать следом, — пальтишечко, сшитое Елизаветой Владимировной мне, годовалому. На снимке Ариша держит меня, а на мне то самое пальтишечко.

Жестоко, однако.

3.1.6. Дом на Ниязбекской

Ташкентский дом Аришиной тёти Кати на Ниязбекской (позже она стала улицей Урицкого) был не чета нашему на Романовской — настоящий, большой, многокомнатный, на высокой платформе, с высокими потолками, кое-где с каменными (мраморными?) полами, с большим садом. Мне в моём военном детстве нравилось бывать в этом доме — и не только потому, что поесть там можно было куда сытнее, чем у нас. У Назаровых забывалась война. Дом был тогда обильно заселён, кроме самих Назаровых — тёти Кати, её сына Коли, его красавицы-жены Лёли и их дочери Наташи, там жили нескрываемо влюблённый в Лёлю Колин друг профессор **Николай Владимирович Богданович** с женой и дочкой, а также семья эвакуированных армян из Ленинградской консерватории, которыми Назаровых «уплотнили» (так это тогда называлось). Днём вокруг Коли роились гениальные юные математики из университета, вечерами армяне музицировали, Богданович роскошным басом пел романсы и арии. Иногда Коля и Лёля запирались в своей комнате — это Лёля закатывала мужу скандалы. В воздухе уже носилось то, что произошло через какое-то время, когда Коля чуть было не женился на дочери консерваторских армян Карине. После неожиданной Колиной кончины Богданович женился-таки на Лёле. А тогда, в войну, жили нескучно и даже сыто. Дело ещё в том, что Богданович был директором находившегося тут же, напротив, института ирригации, что ли, и мелиорации; поговаривали, что институт сулит окрестным колхозам и совхозам некие разработки, в предвкушении которых те щедро снабжают директора продуктами сельского хозяйства. Однажды вечно голодный дед Володя даже приворовал у Богдановича каких-то зёрен: я стоял на шухере, а дед отсыпа́л из мешка.

Назаровы, Богдановичи и проживающие в их доме в войну эвакуированные армяне Ленинградской консерватории

В верхнем ряду первая слева — Лёля, третий — Коля, четвёртый — Богданович
В нижнем ряду вторая слева — Наташа Назарова, третья — тётя Катя

Мужа своего **Николая Степановича Назарова** тётя Катя надолго пережила, потеряв ещё до того, как я смог бы его увидеть. Про её знаменитого сына Колю — математика **Николая Николаевича Назарова** (1908–1947) расскажу потом отдельно. Коля был чуть старше своей двоюродной сестры, вашей бабушки, особой дружбы между ними я не замечал, а вот Володю, своего дядьку, он обожал. Они любили проводить время вместе, но не вдвоём, а втроём — третьим в этой компании был молчаливый субъект **Леонов**. Говорили именно так: «Леонов пришёл», — никогда по имени-отчеству. В лучшем случае «Митрич» (и то заглазно).

3.1.7. Абсолютно свой человек

Лица Леонова я вспомнить не могу, вспоминаются его дырявые башмаки и драная одежда. Что это было? Бедность? Небрежение мнением окружающих? Поза?

Много позже я обнаружил, что в воспоминаниях **Надежды Яковлевны Мандельштам**, вдовы поэта **Осипа Мандельштама,** Леонов фигурирует как «абсолютно свой человек». И тоже всегда по фамилии: «Вошёл Леонов».

В те самые военные дни, когда в моих детских глазах Леонов выглядел не более чем задушевным сотрапезником деда Володи и дяди Коли, неподалёку от Павловых и от Назаровых в доме 54 по улице Жуковского, в летней садовой постройке — балхане́ нашли приют упомянутая Надежда Яковлевна Мандельштам и **Анна Андреевна Ахматова.** Теперь уже не тайна, что одна из гонимых женщин в согласии с другой хранила в собственной памяти и в старательно спрятанных свёртках великое достояние — стихи уничтоженного ещё в 1938-м году, категорически запрещённого поэта. В этом контексте слова «абсолютно свой человек» могли означать всякое. Особенно в устах Надежды Яковлевны, которую опыт собственной жизни настроил видеть соотечественников в абсолютно чёрном свете: все предатели, все стукачи. (Понять могу, принять никак.)

Из воспоминаний Н. Я. Мандельштам [4] чётко следует, что обе обитательницы ташкентской балханы знали Леонова задолго до эвакуации в Ташкент.

Действительно, когда Анна Андреевна гостила в Воронеже, у нас у всех случился припадок отчаянного и бессмысленного страха. Произошло это вечером, в комнате у «агента», который жарил мышей. Мы сидели при коптилке — свет выключили, как это часто бывало в провинции. Вдруг дверь открылась, и в комнату вошёл без всякого предупреждения ташкентский биолог Леонов с каким-то спутником. Пугаться не было никаких оснований: мы знали, что у Леонова в Воронеже живёт отец и он часто к нему приезжает. Сам Леонов — анахорет или российский дервиш, домашний философ, всегда немного под хмельком — был абсолютно свой человек. Его привёл к нам Кузин, и с тех пор он иногда у нас появлялся, а потом снова исчезал в свой ташкентский университет, где он когда-то работал вместе с Поливановым и приобрёл вкус ко всякой филологии и поэзии. Откуда же испуг? Встречаясь с Анной Андреевной, мы всегда чувствовали себя по крайней мере заговорщиками и могли испугаться чего угодно. Впрочем, все советские граждане пугались неожиданных посетителей, машин, если они останавливались у дома, и поднимающегося ночью лифта… К приезду Анны Андреевны в Воронеж страх ещё не дежурил у нас, а только иногда хватал нас за горло.

Означает ли приведённый отрывок, что знакомство произошло в Воронеже? Отнюдь. Мандельштамовский Воронеж возник как раз вследствие знакомства Мандельштамов с Леоновым.

Ещё немного из Надежды Яковлевны:

Е. Х. сообщил нам телеграммой о замене приговора. Мы показали её коменданту. Он пожал плечами…

Два-три дня он не выпускал О. М. — и это стоило нам немало волнений, — пока, наконец, не дождался подтверждения из Москвы, что телеграмма действительно правительственная, а не сфабрикована ловкими родственниками ссыльного, сданного ему под расписку. Тут он вызвал нас и предложил выбирать город. Решать пришлось сразу — на этом комендант настаивал: ведь в телеграмме не было сказано, чтобы он дал нам подумать. «Безотлагательно!» — сказал он, и мы выбрали город под его взором. Провинции мы не знали, знакомых у нас не было нигде, кроме двенадцати запрещённых городов да ещё окраин, которые тоже находились под запретом. Вдруг О. М. вспомнил, что биолог Леонов из Ташкентского университета хвалил Воронеж, откуда он родом. Отец Леонова работал там тюремным врачом. «Кто знает, может, ещё понадобится тюремный врач», — сказал О. М., и мы остановились на Воронеже. Комендант выписал бумаги. Он так был потрясён всем оборотом событий, то есть быстротой, с которой было пересмотрено дело, что проявил неслыханную любезность — дал казённую подводу, чтобы перевезти вещи на пристань.

Это Чердынь, 1934 год. Но и тут Осип Мандельштам о Леонове «вспомнил». То есть «российский дервиш» был своим ещё раньше. Когда и где?

К слову замечу, что дервишем называли также **Велемира Хлебникова**, который подобно Леонову привлекал поверхностное внимание ветхостью одеяний. У Леонова было прозвище и покруче: Христос.

Стоим с отцом на улице у ворот нашего дома. Это типично ташкентское — выйти за ворота на улицу. Почти все знают друг друга, вступают в беседы. Тихая, неторопливая жизнь. Отец смотрит вдаль — в перспективе видна голубая полоска гор.

Вдруг отец мне говорит: «Смотри, идёт Христос». Так в кругу ташкентской интеллигенции звали профессора биологии Леонова за его действительно иконописный вид. Он переживал трудные времена из-за выступления против Лысенко, был отдалён от кафедры биологии и жил случайными переводами (говорят, он знал 14 языков).

Он появился в костюме, галстуке и шляпе. Всё это было при ближайшем рассмотрении весьма ветхо, но чисто и аккуратно. Отец говорит: «Вот мой сын, учится на скульптора». Леонов посмотрел на меня внимательно, как мне помнится, голубыми глазами. Весь его облик настоящего русского интеллигента излучал доброту и интерес. «Как вы относитесь к Родену, молодой человек?» Я сказал, что вообще-то отношусь хорошо, но видел только одну фотографию с его работы «Мыслитель», да и то некачественную, в учебнике французского языка. Они о чём-то с отцом дружески побеседовали.

На следующее утро раздаётся стук в дверь. На пороге стоит профессор Леонов и протягивает мне два роскошных тома, изданных, по-моему, в Австрии до революции, с прекрасными репродукциями скульптур и рисунков Родена. «Это — вам. Вам это нужнее». И, не ожидая слов благодарности, уходит. Должен сказать, что весь наш курс в училище изучил эти книги, и многим они раскрыли глаза и помогли снять шоры, которые нам усиленно вешали.

Это отрывок из заметок [5] одного из сыновей **Александра Николаевича Волкова**, са́мого, я думаю, прославленного из уроженцев русского Туркестана. Добавлю рассказ [6] ещё одного ташкентца, писателя **Эдуарда Бабаева**. Он, как и его сверстник, калужанин **Валентин Дмитриевич Берестов** (1928–1998), в военном Ташкенте слыл литературным вундеркиндом. Советская власть трогательно опекала талантливых мальчиков, кормила, обеспечила блистательными наставницами (Лидия Чуковская и Надежда Мандельштам), при том оба были обласканы Ахматовой и часто навещали её. Так вот, у Ахматовой, по свидетельству Бабаева, особым почитанием пользовались в то время «Избранные эпиграммы» Марциала и, естественно, не обошлось без Леонова.

В эвакуации у Анны Андреевны почти не было книг, кроме Пушкина. Всё остальное ей приносили друзья по её просьбе или по своему разумению. Что касается эпиграмм Марциала, то эту книгу, скорее всего, даже наверняка, мне кажется, принёс профессор Николай Дмитриевич Леонов. Он был биолог по специальности, но, человек широкого образования, друг и собеседник знаменитого филолога Е. Д. Поливанова, читал лекции на двух факультетах — биологическом и филологическом. Я изредка встречал его у Анны Андреевны. ...Анна Андреевна относилась к нему с полным доверием. Именно от Леонова я услышал впервые стихи Мандельштама о Сталине, написанные в духе Марциала: «Мы живем, под собою не чуя страны...»

...И на книге горчайших эпиграмм Марциала появилась надпись Анны Ахматовой с датой и подписью:

А мы?
Не также ль мы
Сошлись на краткий
Миг для переклички.

Анна Ахматова,
21 июня 1943 года

Здесь снова, как и у Н. Я. Мандельштам, упоминается «друг и собеседник» Леонова. Я просто обязан прерваться и пояснить, что **Евгений Дмитриевич Поливанов** (1891–1938) это огромная фигура. Огромная! К 1921-му году, когда тридцатилетний Поливанов прибыл в Ташкент, у него уже сложилась репутация гениального учёного. В Ташкенте Поливанов провёл пять лет — занимался организацией университета, создавал алфавиты для бесписьменных народов Средней Азии. Человек-легенда, растоптанный в 1929-м, арестованный в 1937-м и расстрелянный в начале 1938-го, он восстал из праха и ныне признан крупнейшим отечественным лингвистом и теоретиком языкознания.

Процитирую [7] писателя Валентина Каверина, который близко знал молодого Поливанова:

Представьте себе Всесоюзную конференцию лингвистов, которая прошла без портрета того, кому она была посвящена, потому что, несмотря на все усилия, портрет достать не удалось.

Представьте себе учёного, знавшего лингвистически не меньше 35 языков, написавшего грамматику японского, китайского, бухаро-еврейского, дунганского, мордовского, туркменского, казахского,

таджикского языков, о котором спорят, родился ли он в 1891 или 1892 г., в Петербурге или Смоленске.

Представьте себе человека, которому удалось напечатать лишь двадцатую часть своих работ, в то время когда едва ли не каждая его фраза могла быть развернута в принципиально новую теоретическую работу.

Представьте себе политического деятеля, опубликовавшего тайные договоры царского правительства в 1917 году, который впоследствии годами бродил по стране, как дервиш.

Представьте себе человека, оставившего, несмотря на необычайно сложную, трагическую жизнь, более ста научных работ, в т. ч. 17 книг, — человека, имя которого в течение трёх десятилетий замалчивалось…

Снова дервиш? А дело вот в чём. Вызванный из Ташкента в Москву Поливанов вступил в научный конфликт с академиком Н. Я. Марром (1865–1934). Конфликтовать с «основателем советского материалистического языкознания» не рекомендовалось. В 1929 году Поливанова выгнали с работы и лишили возможности печататься. Он вернулся в Ташкент, откуда перебрался в Самарканд.

Филолога можно выгнать с работы, но лишить работы нельзя. Ещё цитата:

Старый узбек Махмуд Хаджимурадов рассказал на конференции, как Поливанов приехал к нему едва ли не босиком, в рваной одежде и остался на несколько недель в кишлаке, изучая особенности местного диалекта, составляя словарь, которого ещё не было в мире. Он работал неустанно, упорно, а для отдыха поправлял ошибки в религиозных книгах на арабском языке, которым пользовались муллы.

Таким был друг и собеседник Леонова.

…В последний раз, — продолжает Бабаев, — *я видел Николая Дмитриевича Леонова в марте 1953 г., когда в Москве хоронили Сталина, а в Ташкенте и других городах совершался обряд в духе древнеримского поклонения изваяниям Цезаря.*

В самом центре сквера Революции возвышалась статуя Сталина. Мимо неё уже тянулось медленное шествие с цветами, сопровождаемое траурной музыкой из репродукторов. Местный художник, один из самых молодых и талантливых, допущенный к изображению исторической минуты, спешил перенести на холст ташкентскую лазурь в облачном небе.

А неподалёку от художника, установившего свой треножник на выходе к памятнику, в глубине тополиной аллеи, сгорбившись, похожий на подростка, профессор Леонов раскуривал свой табачок, завёрнутый в обрывок газеты, и вспоминал эпиграмму Марциала о слоне, который поклонялся Цезарю.

3.1.8. Ну и что?

Короче, я не удивился, когда из газетного интервью [8] **Сергея Сергеевича Аверинцева** узнал, что на него, академика филологии

и кумира продвинутых интеллектуалов, благотворнейшее влияние оказал — кто же? Правильно: Николай Леонов.

В отроческую пору примером свободы был для меня человек, которому тогда было около шестидесяти лет, его звали Николай Иванович Леонов; он успел выпустить книжку своих стихов до революции, а в советское время рано забрался в Среднюю Азию, где преподавал географию, продолжая писать в стол (и где подружился с моими родителями, скрывавшимися там же от террора 30-х годов). Он сохранил полнейшую внутреннюю свободу — не просто дистанцию по отношению ко всему вокруг, к этому я привык в кругу отцовских друзей, но почти весёлую несломленность, которая не даёт загнать себя в немоту.

Далее Аверинцев цитирует стихи Леонова «*из времён коллективизации о тогдашних расправах над его любимой Бухарой*» и другие стихи — о необходимости «*радоваться всему, чему можно было радоваться*». Есть и рассказ о том, как он, Аверинцев, «*в самом нежном возрасте*» осознал необходимость бережного отношения к слову, «*когда только что поминавшийся друг моих родителей и мой ментор неусыпно порицал меня за словесные faux pas*».

Всё сходится, кроме отчества. Но забыть отчество ментора и перепутать биологию с географией — это так естественно для гуманитария.

И всё же я провёл небольшие изыскания и узнал, что в 1940–1971 годах в Ферганском педагогическом институте лекции по физической географии читал **Николай Иванович Леонов** (1894–1971).

Не сошлось. Леонов, да не наш.

Ну и что? Мне это совсем не мешает. Напротив, нечто возвышающее нахожу в том, что странный субъект Леонов — это, оказывается, вовсе не единственный в своём роде уникум. Книгочей и вольнодумец, припоминатель Марциала и устранитель шор — он повсеместен, вот в чём услада. Не в Фергане или Ташкенте, а и в Ташкенте, и в Фергане, и в любой точечке великого русского пространства, присмотрись, вон он, чуть поодаль от людского скопления — запахнул пальтецо и раскуривает свой табачок.

Полагаю, что оба Николая Леоновых, ташкентский и ферганский, заслужили благодарность потомков не только за заслуги в области физиологии растений (первый) и физической географии (второй). Трижды вознаграждён будет тот, кому захочется вникнуть в историю их незагадочных жизней.

Однако возвращаюсь к Митричу. Так на чём же держалась дружба ташкентского Леонова с дедом моим Владимиром Алексеевичем и его племянником Колей Назаровым? О чём они там задушевно беседовали втроём?

Есть одно соображение.

Знавшие Митрича согласно говорят о его интимных отношениях с поэзией.

Я свидетельствую о любви к стихам своего деда.

О той же слабости Коли Назарова повествует в своих записках влюблённая в него бабушкина одноклассница Мария Дмитриевна Трусова («Муська»). Вот эпизод из середины 30-х: после большого перерыва, вызванного её отъездом из Ташкента, она встречает в нашем доме Колю.

Он приехал в научную командировку в Москву и остановился у Аришки.

Он пил вино как-то празднично, не пьянел и только читал стихи. Он любил стихи. Он весь был наполнен стихами. Мне казалось, стихи заменяли ему беседу с окружающими. Стихи обособливали его от общества и вместе с тем соединяли его с ним.

Мария Дмитриевна даже припомнила два стихотворения из тех, что Коля Назаров декламировал в её присутствии: «Запад есть Запад, Восток есть Восток» (это, понятное дело, Киплинг) и «В сто тысяч солнц закат пылал» (Маяковский).

Таким образом, не исключая иных гипотез, мы можем назвать по крайней мере одну область интереса, общего для всех троих. Подозреваю, что она не была единственной.

3.1.9. Любочка

Помимо отца, которого все звали Володей, у вашей бабушки Ариши была, естественно, мама, которую окружающие звали Любочкой. Вот как **Любовь Сауловна Павлова** (1883–1952) появилась в доме на Романовской.

Закончив ташкентскую гимназию, Володя отправился учиться в Питер, но вместо университетского диплома вернулся в Ташкент с женой, которую увёл у приятеля. Так что прежде чем стать Любочкой Павловой ваша прабабушка немного побыла мадам **Розенблат**. Исходно же она была девицей **Айзеншер** из города Одесса.

«Миша, я полюбила Володю!»

По преданию, этих слов оказалось достаточно, чтобы Любочка (которая

ещё не была Любочкой), решительно взяв годовалого сына **Лёнечку**, перешла от Михаила Яковлевича к Владимиру Алексеевичу и позволила увезти себя в не известный ей Ташкент. Бесповоротно поменяла всё, даже собственное имя. Еврейского имени, которое было у неё до православного венчания и, соответственно, до крещения, я уже не вспомню, хотя и знал когда-то. Не Рахиль ли?

Полагаю, что первые годы своей ташкентской жизни Любочка провела без друзей. По рассказам, ближайшими друзьями Володи были его одноклассники **Лев Васильевич Ошанин** и **Глеб Никанорович Черданцев** — соучастники традиционных «мальчишников». Появись Любочка пораньше, может, они бы и приняли её в свою компанию, а так — дорожки разошлись. Ведь в отличие от влюбившегося Володи, приятели столичных занятий не бросили и недоучками в Ташкент не вернулись. Вернулись уже с дипломами, и с каждым годом пропасть расширялась: Лев Васильевич реализовался как антрополог, Глеб Никанорович как экономист, оба стали профессорами, основателями научных школ, Черданцев даже поработал ректором новоиспечённого ташкентского университета, его имя было присвоено одному из главных городских проспектов. Володя, полагаю, держал дистанцию, дорожа своим правом на участие в мальчишниках и не навязывая успешным сверстникам свою нестандартную половину.

Но друзья у Любочки всё-таки появились. По словам бабушки Ариши (запись 8 сентября 1985 года), большая близость возникла с семьёй, главой которой был старик-музыкант **Лир**. «*Все играли на рояле: Лена, Нора, Юля, Эдик. Наверно, были немцы. Они жили в самом конце Пушкинской возле церкви*». В моём Ташкенте военных лет Лиров уже не было, остались только их фотографии. Наверно, в самом деле были немцы, немцев как минимум ссылали.

Любочка

Другие Любочкины дружбы, напротив, длились долго.

Валентина Васильевна Пославская говорила мне так (запись 17 марта 1981 года):

Мы сдружились с Володей и Любочкой с 1918 года. Был такой Павлюченко, который думал, что он замечательный поэт-футурист, хотя ничего этого не было. Кажется, мы познакомились с Павловыми у него. В эти страшные годы, с 18-го по 21-й, у нас постоянно были вечеринки с выпивками — главным образом у Павловых.

Бабушка Ариша, бывшая в те «страшные годы» девочкой, вспоминала про то же по-своему:

Собирались чаще в Сухаревском тупике у Пославских — буквально каждую субботу. Володя не ходил, потому что играл в карты. А здесь играли в шарады, викторины, пели песни. Например, такую:

Девица входит в залу, всем ручку подала
И тихо и печально к рояльке подошла.
Вдруг в залу входит барин, закручены усы,
Одет он в чёрну пару, сам смотрит на часы.
Скажи, скажи мне, барин, скажи, который час,
…. … … … … … … пришла в последний раз.
А барин отвечает: сейчас четвёртый час,
Прощай, прощай, девица, я еду на Кавказ.

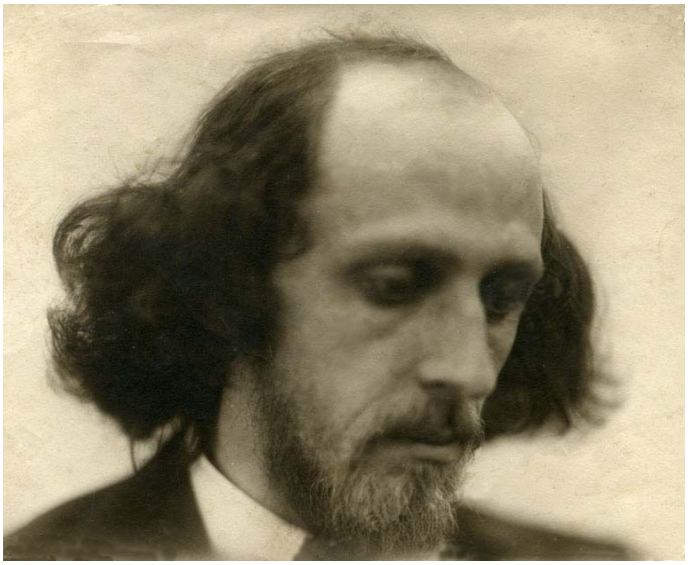
Девица горько плачет и слёзы горьки льёт,
А барин гордо смотрит и вина сладки пьёт.

Пел это в основном Юрий Ильич (Пославский), но в конце все срывались с мест, дети и взрослые, и начиналась пляска: «А барин гордо смотрит и вина сладки пьёт!»

Иногда наряжались.

Ели-пили бутерброды с чаем.

Мать Валентины Васильевны Дора Марковна была строгая женщина, очень следила за чистотой, имела недобрую рожу в пенсне. Наверно, готовила она, а Валентина Васильевна порхала и готовила плохо. Дора Марковна была еврейка, а отец у Валентины Васильевны был русский.



Валентин Иванович Вольпин

Вырванную из еврейской среды Любочку определённо тянуло к соплеменникам. Надо сказать, что ташкентские евреи той поры не обособляли себя от остальной массы колонистов. Ташкент не знал ни бытового антисемитизма, ни поношения родины кликухой «страна пребывания». Эти художества появились много позже. Предрасположенность по крови к ним отношения не имеет, она — явление природное, незлокачественное, присущее любому племени, о чём в науке свидетельствуют специальные тесты, а в литературе невольные обмолвки типа «у него было хорошее русское лицо».

Так или иначе, благодаря Любочке в число ближайших друзей семьи вошёл **Валентин Иванович Вольпин** (1891–1956). «Валя» был из тех, про кого говорят: сразу видно — поэт. В смысле, на службу не ходит и кудри до плеч. Это был преданный литературе человек, не чуравшийся чёрной работы. Своё нежное отношение к Любочке, не прерывавшееся до взаимной старости, Валентин Иванович перенёс в Москве на моих родителей.

Сёстры Любовь и Клара, Е. Вайнштейн, В. Вольпин (Ташкент)

Когда началась война, эвакуированные в Ташкент Вольпины в количестве трёх еврейских душ спали у нас на Ленина 24 на полу. Валентин Иванович, совсем уже бескудрый, с какими-то шишками на лысой голове, был плох, постанывал, Любочка его отхаживала.

Туда же тогда свалился первый любочкин муж и биологический отец Лёнечки «дядя Миша» — пародист и сатирик **Михаил Яковлевич Пустынин** (1884–1966). Сплошь поэты. Свалился он не один, а вместе со своей супругой Полиной Борисовной. Втиснуться было уже некуда, но Пустыниных

счастливо пристроили к соседям — чете Бостанжогло. Полина Борисовна иногда высовывала голову из бостанжогловской двери и с французским прононсом задавала вопросик типа: «Люба, нет ли у вас картофэльных очисток, я бы сделала из них Михаилу Яковлевичу котлэты».

По паспорту дядя Миша Пустынин был Розенблат, поэтому наш Лёнечка всю жизнь числился Розенблатом.

В Ташкенте у Владимира Алексеевича и Любови Сауловны Павловых прошла вся их счастливая (так мне думается) семейная жизнь. Поставили на ноги Аришу и Лёню, увидели трёх внуков. На моей памяти, их добрых, спокойных отношений не омрачало даже то, что свою получку Володя просаживал в преферанс. Он всегда продолжал надеяться, что выиграет кучу денег и озолотит жену.

Не успел.

Между собой Любочка и Володя до конца оставались на «вы».

Любочка, которая была немного старше мужа, пережила его на семь лет; она умерла 28 марта 1952-го в Москве, у нас в коммуналке на Малой Дмитровке. В Москве и похоронена.

В час прощанья дядя Миша Пустынин прочитал по бумажке речь. Бумажка сохранилась.

...О тебе, дорогая Люба, можно было сказать:

Душа твоя — она горит алмазом
В величье дел, неуловимых глазом.

Величье этих дел — в твоём подвижничестве, в твоей самоотверженности. Все, кто знал тебя, кто соприкасался с тобой, никогда не забудут твоей кротости, необыкновенной заботы о твоих детях и о близких тебе людях.

...Так случилось, что мы с тобой разошлись, это было около пятидесяти лет назад, но в течение всего этого времени, до последних дней твоей жизни, ты проявляла горячий интерес к моей судьбе.

Занятая своими семейными делами, ты никогда не забывала о музыке, поэзии, искусстве — и после трудового дня твоя тонкая рука тянулась к любимой книге.

Мне трудно говорить о тебе в прозе, — твой жизненный подвиг достоин того, чтобы написать о нём в стихах, столько красоты было в твоих отношениях к людям, столько любви и внимания к сыну, к дочери и к их детям.

И надо сказать, что и они ответили тебе тем же — той же трогательностью и нежностью, которые ты вложила в них.

У Некрасова есть строчка: «Великое, святое слово: мать!»

У тебя надо учиться силе материнства, геройству материнства, самоотверженности и материнской нежности.

Недаром ты носила имя — Любовь. Ты оправдала это чудесное имя, ты пропитала этим чувством каждый шаг, каждую минуту своей жизни!

Любочка

(Это мой рисунок, 17.02.1952)

3.1.10. Лёнечка

Ариша и Лёня

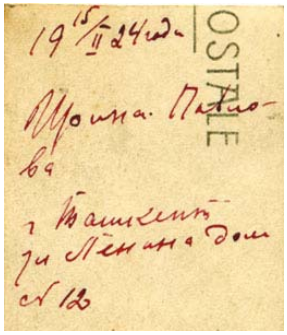
Единоутробный старший брат бабушки Ариши Лёнечка, **Леонид Михайлович Розенблат**, родился в 1908-м в Санкт-Петербурге и уже на следующий год был увезён оттуда в Ташкент, где рос вместе с появившейся вскоре сестрой под родительским призором Володи и Любочки.

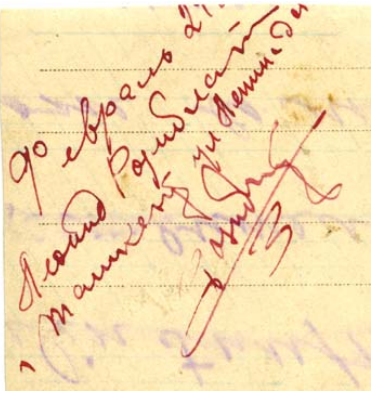
Он всю жизнь прожил в Ташкенте, там получил профессию агронома. Говорили, что он лучший в республике специалист по лубяным культурам. Джут, кенаф, канатник — эти слова постоянно звучали в доме. Сырьё для мешков и верёвок требовалось фронту не меньше, чем титульное богатство Узбекистана — хлопок. Ради этого чёрный от загара Лёнечка мотался по колхозам и совхозам республики.

В моей памяти Лёнечка остался одним из самых милых, самых любимых родственников. Единственным его недостатком было неумение слушать анекдоты. Достаточно было сказать: «Расскажу тебе еврейский анекдот», — как Лёнечку начинало трясти и он умирал от смеха.

К концу жизни его жестоко донимали сосудистые спазмы. Бывало, лежал в Москве — то в мамином Институте неврологии, то у нас. Мы тогда жили в доме 6 по Орликову переулку. Был неприятный случай, произведший на Лёнечку большое впечатление. Отключилось электричество, и Лёнечке пришлось подниматься к нам на пятый этаж в полной темноте. На площадке четвёртого этажа он чуть ли не лицом наткнулся на что-то большое, прислонённое к стене. Оказалось — крышка гроба.

Вскоре после этого он скончался в Ташкенте.





3.1.11. Потомство Лёнечки

Женат Лёнечка был на суровой андижанской армянке «тёте Васе», **Варсенике Ованесовне Аракелянц.** Их дочери, мои двоюродные сёстры Жанна и Наташа, выйдя замуж, вырастили в Ташкенте собственных детей, четвёрку моих племянников. У **Джанны Леонидовны**, по мужу **Решетовой,** две дочери, **Гала** и **Вика**, а у **Натальи Леонидовны**, по мужу **Вейцман,** два сына, **Гарик** и **Артур**. Обе дочери, обе внучки и оба внука Лёнечки живут в Далласе, штат Техас, где появилось и растёт следующее поколение потомков единоутробного брата вашей бабушки Ариши. Одну из тамошних правнучек Лёнечки зовут Аришей — мне это приятно. На присланной нам фотографии американская Аришка валяется на ковре с лохматым псом, которого зовут Вася. На другом фото мой американский племянник Гарик готовит плов. На третьем мои старенькие сёстры Жанна и Наташа пьют чай из ташкентских пиалушек. Так ли, сяк — Ташкент продлился и пустил в штате Техас осторожный корешок.

Генетическое разнородие достигает у наших американцев запредельного уровня. Так, Гала и Вика на четверть еврейки, на четверть армянки, на четверть татарки и на четверть русские, а один из сложнокровных внуков Наташи нашёл себе в Америке жену, которая наполовину кубинка и наполовину мексиканка. Глобализация!

Варсеника Аракелянц
(Ялта, 1939)

Наташа и Джанна
(1949 г.)

Джанна

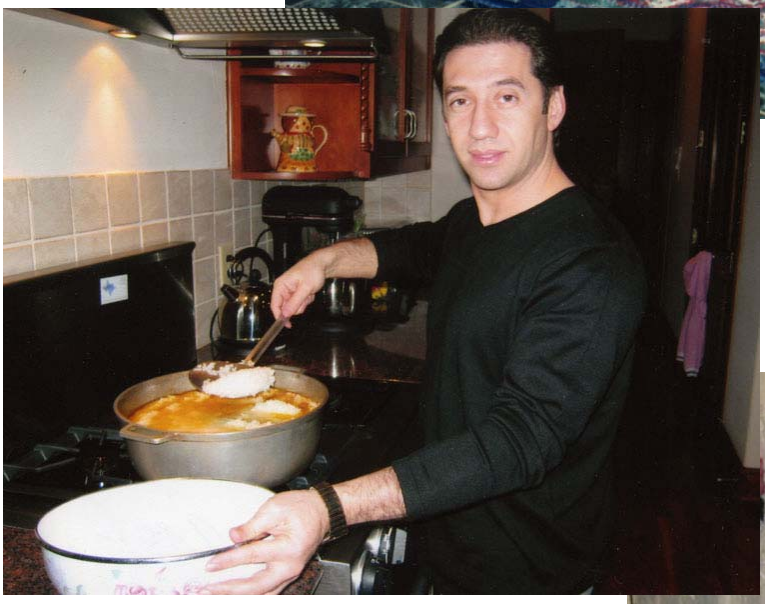
Наташа
(1950 г.)

Наташа
(1962 г.)

Гарик

Наташа с Артуром

Ариша
(правнучка Л. Розенблата)
с собакой Васей
(Даллас)



Гарик
(Даллас)

Наташа и Джанна
(Даллас, 2006 г.)

Юляша, Рубен и Габи
(дети Артура)
(Даллас, 1998 г.)

Аня, Гарик, Артур, Инна
(американские внуки Лёнечки)

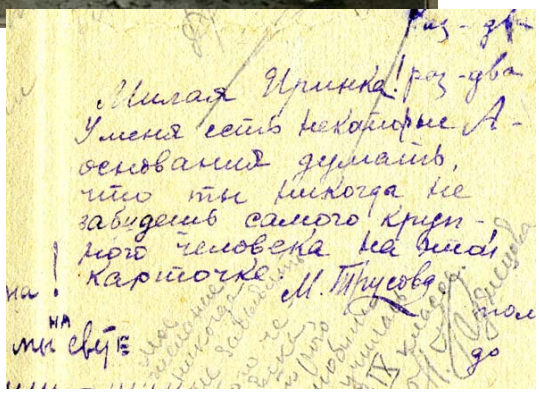
Ариша (слева)
и Габи (в машинке справа)

Наташа и Леонид Вейцман
с внуком Лиором

3.1.12. Подруги бабушки Ариши

Всё-таки пора отвлечься от ветвей родового древа и сказать несколько слов о трёх ташкентских подружках бабушки Ариши, которые, были ей (да и мне) ближе иной родни. Лялька, Муська, Эська — так звала их бабушка, а за нею все мы. Появилась эта тройка в бабушкином детстве, продлилась до конца столетия.

Дело ещё в том, что две из них оставили обширные записки, из которых я уже немного черпал. Это едва ли не самый богатый источник сведений о Ташкенте нашей родни.


Милая Иринка! раз-два
У меня есть некоторые А-
основания думать,
что ты никогда не
забудешь самого круп-
ного человека на этой
карточке. М. Трусова

Выпускной снимок

В 1-м ряду в центре — Муся, Ариша и Эся

(Ташкент, 3 февраля 1929 г.)

Мария Дмитриевна Трусова (Муська) в 1920–1929 годах делила с бабушкой Аришей общую парту в ташкентской средней школе имени Песталоцци. В школе Муська была знаменита как чемпион неуспеваемости, у неё не получалось ни считать, ни грамотно писать, получалось только списывать у Эськи, которая, напротив, была отличницей.

30-е годы Муська провела, как мы, в Москве, где дружила уже со всей нашей семьёй, а с началом войны вернулась в Ташкент. Там жила с матерью, сестрой и братом недалеко от нас на Кашгарке, в доме, доставшимся им от деда, врача-глазника. При доме был большой сад с балханой, он круто спускался к Анхору. Летом 41-го мне доводилось у Трусовых купаться, что считалось небезопасным. Стремительный, как мне тогда казалось, Анхор обжигал холодом и пугал водоворотами. Надо было прыгнуть в воду на одном конце участка

и буквально через мгновенье, уже на другом его конце, поймать руками нависавшую над водой толстую ветвь и вылезти. Однажды я промазал, ветка осталась позади, Анхор повлёк меня в пугающую неизвестность, но выручила, дав за себя уцепиться, овчарка Муськиного брата Сергея. (Не исключаю, что ничего такого не было и всё это моя фантазия.) Позже Сергей ушёл на фронт, Муську мобилизовали на трудфронт, и моё купание в Анхоре прекратилось.

И. Павлова и М. Трусова

Муська с детства хорошо рисовала и в конечном итоге стала профессионалом, членом Союза художников. Живя в Москве, участвовала в престижных выставках, представлена в собраниях и музеях. Как художница, добавила к себе фамилию матери, став Марией Трусовой-Хлебниковой. (Мне кажется, она лелеяла мечту о родстве с поэтом Велемиром Хлебниковым, а пуще — с мужем сестры поэта Веры Хлебниковой, художником Петром Владимировичем Митуричем, которого боготворила.) Свою бурную жизнь она отразила в рукописной книге. Орфография потрясает, но слог местами хорош. В частности, дед-глазник, у которого лечился весь доисторический Ташкент, описан так красочно, что хоть цитируй всю главку подряд.

Один экземпляр своей книги вместе с частью картин Мария Дмитриевна успела отдать на хранение в музей Цветаевой.

Многие страницы её записок свидетельствуют о близости к нам, Сахаровым. К примеру:

Когда в 1937 году я убежала от мужа — жить стало негде. Жила то у Пославских, то у подруги, то у Сахаровых.

Это был мой дом, моя семья. Этот дом был для меня единственной твердью. Так я его ощущала.

И за это им благодарна.

Также и в середине 40-х, оказавшись после трудфронта без жилья и работы в Москве, Мария Дмитриевна нашла на какое-то время приют и прописку у нас на Малой Дмитровке.

В конце 50-х её дружба с бабушкой Аришей вдруг кончилась. Мне кажется, ссора возникла из-за того, что бабушку чем-то не устраивал последний Муськин муж Борис Маркович, «Бока», и была допущена бестактность. Объяснение, которое даётся Марией Дмитриевной в приводимом ниже фрагменте записок, не вызывает у меня большого доверия. (Катя здесь — художница Екатерина Голицына.)

Однажды Катя рассказала, что была на творческом вечере поэта Дмитрия Сухарева в Политехническом музее. Ей понравилось.

А я перебила: «Сухарев — это псевдоним. На самом деле это Сахаров Дмитрий Антонович. Я его нянчила. А когда Митя женился, в сутолоке организации свадьбы меня забыли пригласить. Я обиделась. И больше его не знаю».

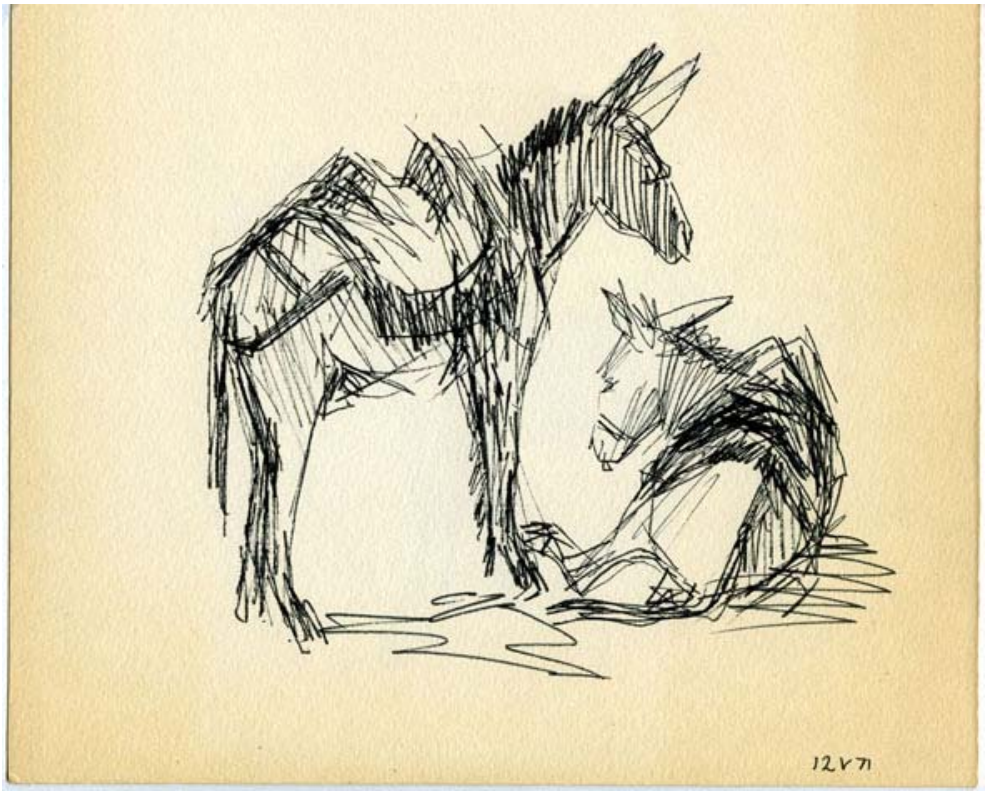
Катя: «А не пора ли вам простить его? Я привезу вам Митю».
И привезла.

Я Марии Дмитриевне не понравился, она не ожидала, что я такой старый, плешивый, некрасивый. Не понравилось и то, как я одет. (Аналогичные претензии она впоследствии постоянно высказывала вашей маме.) До отвращения не понравились мои стихи, сдержанно бранилась, приводя как образец стихи собственные. (Это уже позже, когда прочитала мой через силу подаренный сборник.)

Но Мария Дмитриевна была высокоорганизованным человеком и в то первое свидание сразу сообщила, что видеть меня ей надо для актуального разговора, который тут же и состоялся. Она сказала, что у неё не осталось близких и в память о моём отце (не о своей подруге!) она хочет завещать мне свою однокомнатную квартиру. «Он спас меня в конце войны».

Я не стал выяснять подробностей — спас и спас, попросил только, чтобы завещала не мне, а моей дочери, которая мечтает отделиться. Дальнейшее протекало у вас на глазах и с твоим, Анюта, участием. Мама, потом вы с ней вдвоём окружили капризную старуху всеми возможными заботами — от стирки и продуктов до перепечатки и правки её бесконечных рукописей. Ещё при жизни она перевела свою квартиру на тебя, и в конечном счёте ты хорошо похоронила Марию Дмитриевну и хорошо, спасибо тебе, ухаживаешь за могилой, в которой твоя благодетельница лежит рядом со своим любимым мужем Бокой.

М. Трусова. Ирисы
(пастель, 31 х 42, 1965)



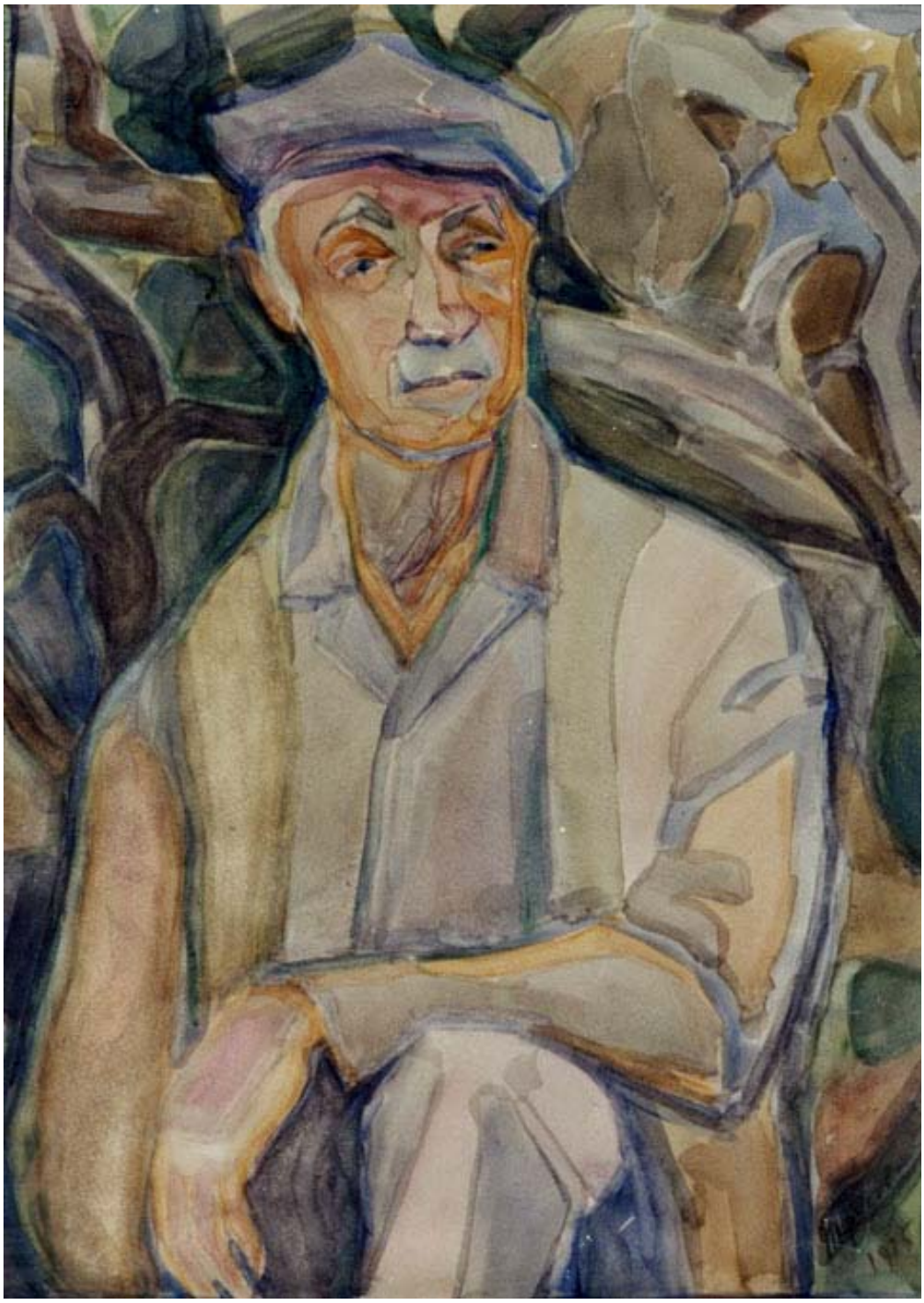
М. Трусова
Наброски сделаны в Брич-Мулле
в мае 1971 года
(бумага, фломастер)

М. Трусова
(Старый Ташкент, 1939)

М. Трусова. Ветка
(акварель, 48 х 49, 1985)

М. Трусова. Дуб
(акварель, 52 х 56, 1972)

М. Трусова. Поникшие подсолнухи
(акварель, 50 х 59, 1960)



М. Трусова. Бока под сенью инжира
(акварель, 54 х 48, 1976)

Эсфирь Иосифовна Фурман (Эська), одноклассница Муськи и Аришки, выделялась образцово-ровной линией жизни, её не швыряло туда-сюда. Когда бы я ни приехал в Ташкент — хоть до, хоть после землетрясения — для меня было сладким предпочтением остановиться именно на 2-й Сапёрной у Эсфири Иосифовны.

Э. Фурман и М. Трусова

Э. Фурман и И. Павлова

Есть такое понятие: ташкентский дворик. Это кот, возможно даже рыжий; пёс необязательной породы; деревце, к примеру инжир; неторопливое чаепитие в тени винограда. У Эсфири Иосифовны всё всегда оставалось таким, каким было в прежние мои приезды. И сама 2-я Сапёрная оставалась той же, одноэтажной, хотя вокруг уже громоздился новый Ташкент.

Инна Владимировна Стрельникова и автор во дворике на ул. 2-я Мирабад (бывш. 2-я Сапёрная) (сентябрь, 2007)

Казалось, не меняются с годами и обе хозяйки — Эсфирь Иосифовна и её племянница по мужу Инна Владимировна Стрельникова. Создавалось впечатление (пусть ложное), что они никогда не выезжали не только из Ташкента, но и со 2-ой Сапёрной. Мне это было подобием якоря, давало иллюзию укоренённости.

Эсфирь Иосифовна относилась к тому деликатному еврейскому типу, который нередок. Ваша прабабка Любовь Сауловна была такая же. Мне в тягость громогласные и нахрапистые, которых в мире всё же больше. Потому на 2-й Сапёрной я отдыхал душой.

Дом Эсфири Иосифовны был хорош и тем, что от него мне было рукой подать до новых друзей. Ведь круг моих ташкентских притяжений с годами менялся. До 66-го Ташкент звал роднёй, Пославскими, отчасти коллегами-биологами, но постепенно важным магнитом становились юные литературные друзья — поэты Игорь Бяльский и Миша Книжник и состоявшая при них тонюсенькая дива Дина Рубина. У Бяльских в честь моего приезда готовили плов, стол был заставлен восточными сластями и фруктами. Тем благотворней оказывалось отлежаться потом на 2-й Сапёрной.

Еда у Эсфири Иосифовны была простая, будничная, но не просто-будничная, а буднично-ташкентская: маш с рисом, катык, маргиланская редька. Ну и конечно помидоры с соседнего Госпитального рынка, мы их там с ней выбирали вдвоём. Европа таких помидоров не видывала и не едала, про Америку вообще молчу. А лук!

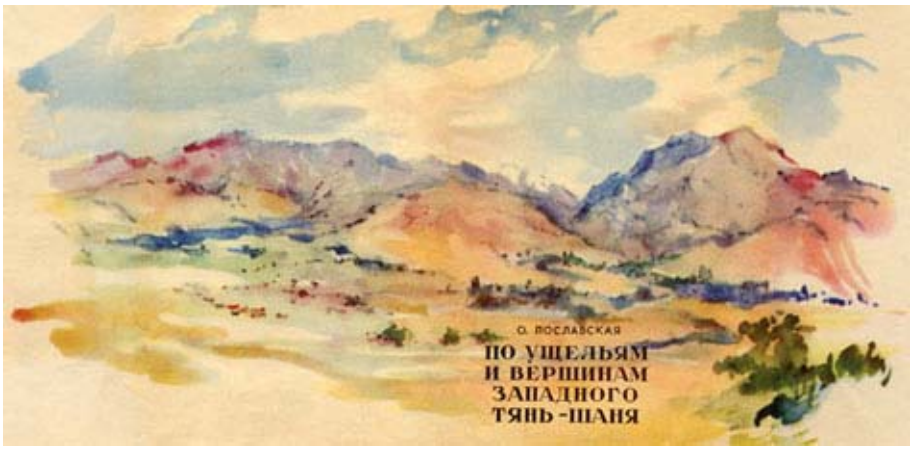
Одноклассницы (слева направо):

Роня Василевская,
Муся Трусова,
Тарасова,
Эся Фурман,
Ариша Павлова,
Женя Пикок (сзади),
Галя Рублёва

(Ташкент, 1928 г.)

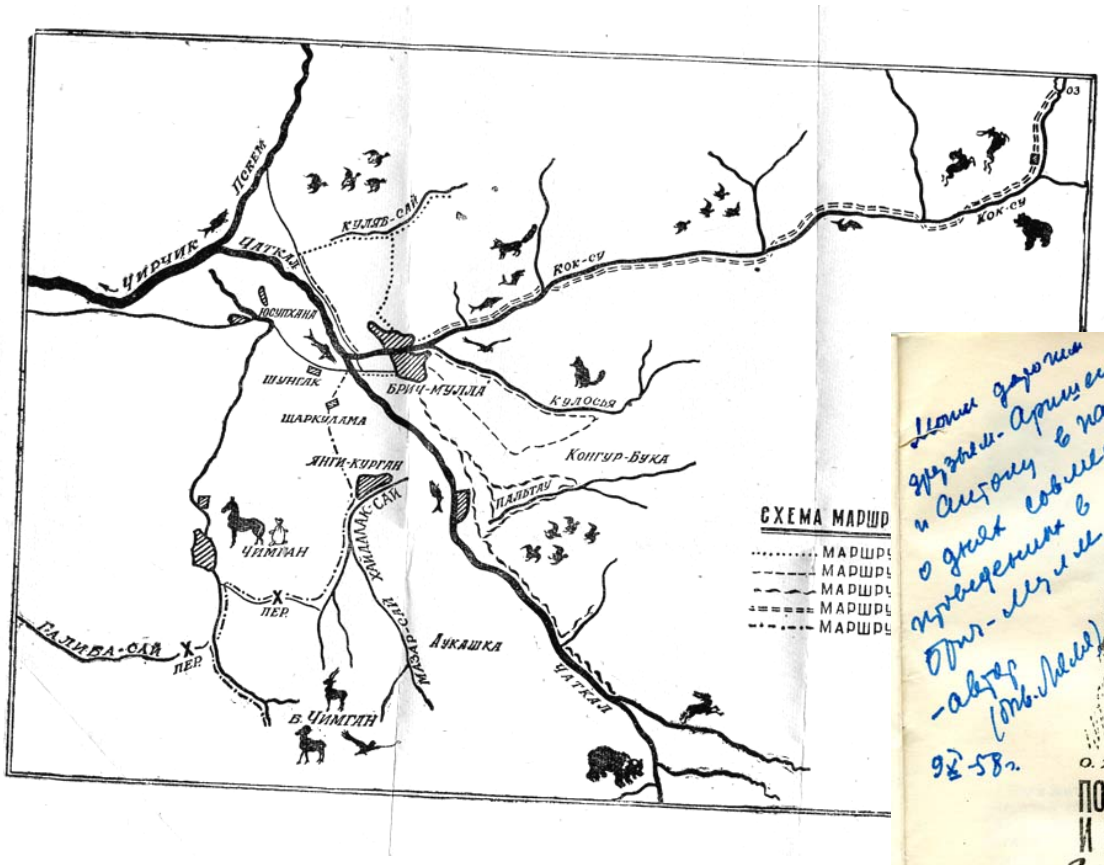
Ольга Юрьевна Пославская (Лялька, 1914–1996) была во многом похожа на своего загубленного отца, только его экономгеографии предпочла географию физическую. От отца же унаследовала неистовую любовь к родному краю, который был ею исхожен вдоль и поперёк и воспет в нескольких научно-популярных книгах типа «По ущельям и вершинам Западного Тянь-Шаня» [9]. Подобно отцу, писала стихи. (А кто там у них не писал?)

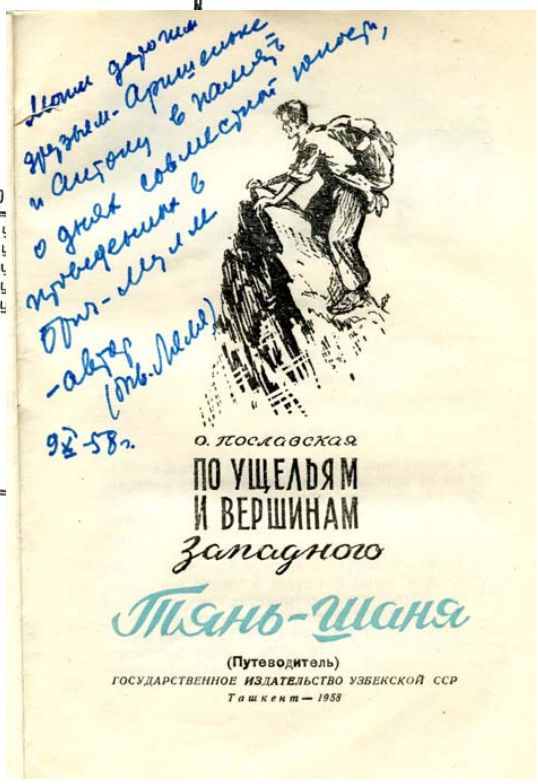
И. Павлова и О. Пославская
(Брич-Мулла, 1926 г.)



Суперобложка книги О. Пославской
(Ташкент, 1958)

Акварель В. А. Волкова





Моим дорогим
друзьям — Аришеньке
и Антону в память
о днях совместной юности,
проведённых в Брич-Мулле

— автор (быв. Ляля)
9 X – 58 г.

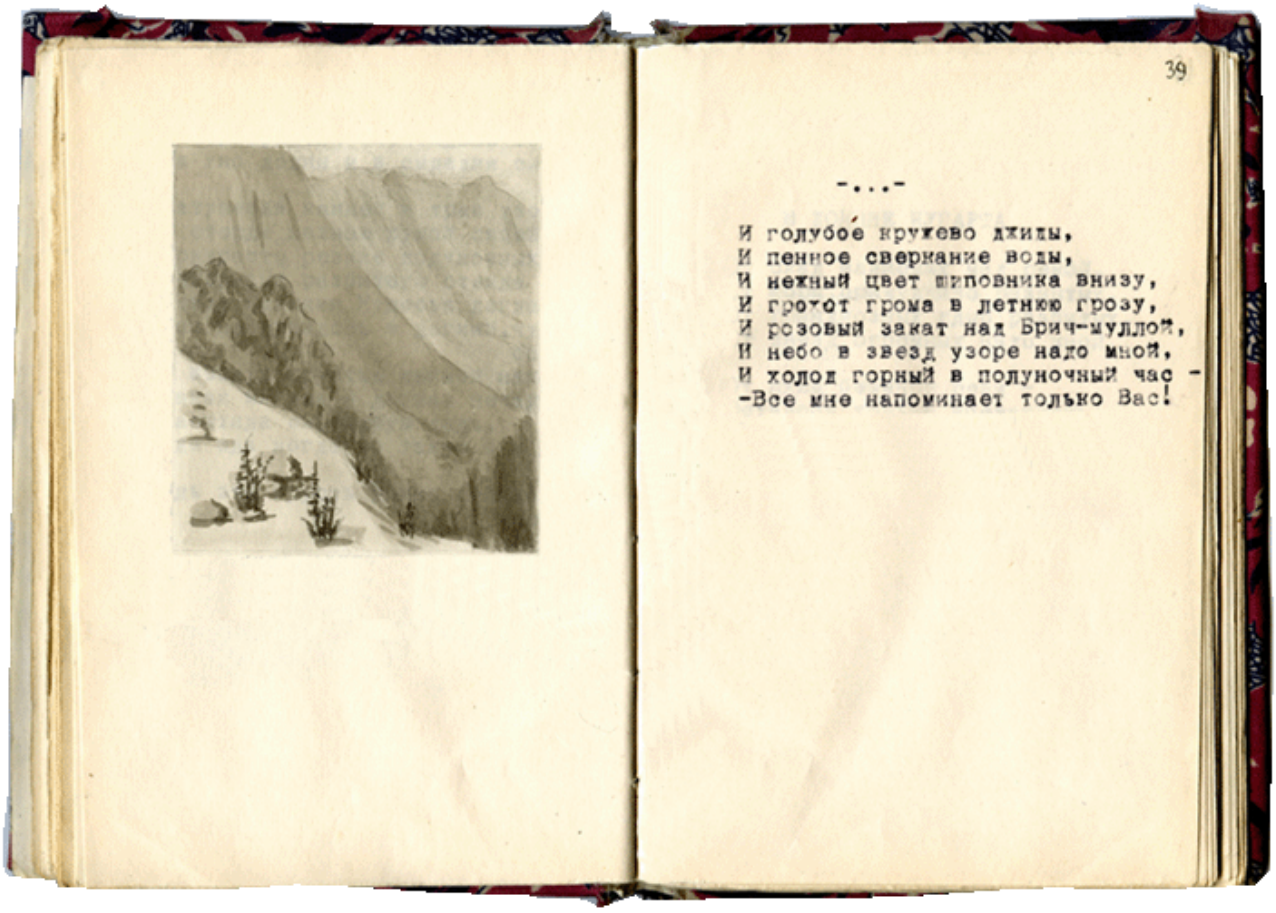
В 1932-м Пославские всей семьёй перебрались в Москву. Перед этим глава семьи отсидел восемь месяцев в тюрьме, Москва мерещилась гарантией от гонений, которые казались тогда присущими именно Узбекистану. Одновременный переезд в Москву учеников профессора Пославского, включая нашу семью, был мотивирован тем же.

Ольга Юрьевна горше других прощалась с возлюбленной родиной, ностальгировала в стихах.

Пережив в 37-м расправу над отцом, в 1938-м окончила геофак МГУ и вернулась в Ташкент. Казалось, навсегда.

И голубое кружево джиды,
И пенное сверкание воды,
И нежный цвет шиповника внизу,
И грохот грома в летнюю грозу,
И розовый закат над Брич-муллой,
И это небо в звёздах надо мной,
И холод горный в полуночный час —
Всё мне напоминает только Вас.

Судя по стихам из подаренного нам самодельного сборника, с Брич-Муллой у Ольги Юрьевны была связана любовная история.


39

-...-

И голубое кружево джиды,
И пенное сверкание воды,
И нежный цвет шиповника внизу,
И грохот грома в летнюю грозу,
И розовый закат над Брич-муллой,
И небо в звезд узоре надо мной,
И холод горный в полуночный час -
-Все мне напоминает только Вас!

Вскоре после возвращения в Ташкент родила и похоронила ребёнка. Юрочка умирал мучительно, пережитое оставило в Ольге Юрьевне глубокий след, убедив окончательно и бесповоротно в невозможности существования Бога. Выстраданным знанием делилась со мной: Бог — мучитель невинных детей, что может быть абсурдней? Уже на пороге собственной смерти, в 75-летнем возрасте, вспоминала, как молила Бога в 37-м году «за неимением других способов помочь папе» [10].

Я взывала ко всезнанию, к справедливости Господа Бога, я твердила о чистоте и доброте папы. Я очень его любила, мы были с ним очень близки. Много говорили на философские темы. Одно время я стала склоняться к агностицизму, и папа железной логикой и убедительными доказательствами «перевоспитал» меня. Он любил и хорошо знал музыку (говорил, что хотел бы быть дирижёром) и живопись. Помню, как восхищался чёрным солнцем Ван-Гога, утверждая, что солнце нельзя увидеть ни жёлтым, ни красным, в глазах, если взглянешь на солнце, черно.

Бог, конечно, не помог. Я много раз убеждалась в том, что, если он есть, то предпочитает помогать негодяям, взяточникам и хапугам. А как он мог допустить, чтобы во время войны наполняли колодцы телами маленьких детей?

Землетрясение 1966 года тяжело сказалось на здоровье Ольги Юрьевны и её матери, Пославские переехали в Ульяновск. Но жить без Ташкента не смогли и снова вернулись.

У старших Пославских кроме Ляли была младшая дочь Муся, Мария Юрьевна. Став в замужестве Барышниковой, она родила Алёну, которую вырастила почему-то Ольга Юрьевна. У Алёны, по мужу Петровой, уже в зрелом возрасте проявилась тяжелая душевная болезнь, но до того она успела подарить своей приёмной матери внука Максима, который стал для бездетной Ольги Юрьевны полнейшим утешением. **Максим Анатольевич Петров** продлил семейную традицию, он окончил ташкентский геофак и верен своей туркестанской отчизне. Многие поуезжали, а он остался в Ташкенте, заведует лабораторией гляциологии в академическом Институте геологии и геофизики. Ездит в экспедиции.

Ташкентские годы бабушки Ариши неоднократно возникают в воспоминаниях Ольги Юрьевны. Она их написала уже в почтенном возрасте, когда стремительно теряла зрение. Последние страницы её воспоминаний, посвящённые тридцатым годам, полны раздумий об эпохе и о себе в ней. Всего не процитировать, ограничусь двумя фрагментами.

Неверно, что в ужасные трагические годы — 37-й и 38-й — мы все жили в страхе и подавленности, доказательством является огромное количество политических анекдотов, ходивших по Москве и, вероятно, не только по Москве, но и по всей стране. Анекдоты были опасные… «Как живёте?» — «Как в автобусе: половина сидит, а половина трясётся», и т. п.

На всю жизнь из альтернативной пары «Свобода — Долг» я выбрала «Долг». …<Это> позволило мне в самые трудные годы войны вынести непомерную тяжесть маленькой, но совершенно беспомощной семьи ценою своей крови (была донором), пройти тяжелейшие экспедиции, где я обычно была единственной женщиной, защитить всевозможные диссертации без

всяких руководителей и — главное — быть всю жизнь окружённой любящими и внимательными людьми. Не только в семье, в кругу друзей, но и на любой работе, потому что всегда чувствовала и исполняла свой долг по отношению к ним. Кажется, я очень расхвасталась? Но я ищу и нахожу оправдание своему постулату, который был сформулирован в моей молодости, молодости 30-х годов: сначала долг, потом — внутренняя свобода. Василий Гроссман старался убедить читателей, что русские всегда были в рабстве. Мне не кажется, что подавлять своё личное во имя долга по отношению к окружающим — признак рабства. Может быть, это высшая степень свободы — сознательно обречь себя на жертву обществу. Да, кстати, была ли я жертвой? Вот уж нет! Какое наслаждение доставляло мне всю жизнь научное творчество, как весело жила я в кругу доброжелательных друзей, знакомых и сотрудников по работе, как гордилась созданной мною семьёй — вплоть до правнуков!

Правнуков своих Митю и Машу Ольга Юрьевна успела потютюшкать.

3.2. Мифы старого Ташкента

3.2.1. Наш великий князь

Есть в записках Ольги Юрьевны эпизод, свидетельствующий о прямых контактах нашего рода с императорским. Героем здесь выступает **великий князь Николай Константинович** (дядя последнего русского царя Николая Второго).

Этот дядя, лихого нрава, был сослан в Ташкент за то, что женился на простой казачке, как говорили, очень красивой. Великий князь отличался демократичностью: ходил в красной атласной рубашке навыпуск и занимался коммерческими делами. Это был страшный шокинг!

Царственная особа любила кататься по Ташкенту в собственном экипаже, причём предпочитала править сама.

Неподалёку от великокняжеского дворца жили друзья моих родителей — Павловы, со своей очень хорошенькой дочкой Ириной. Один раз, когда она гуляла с няней (ей было два или три года), её увидел с облучка Великий князь. Он попросил у няни разрешения покатать девочку. Няня получила разрешение у родителей, и Ирина прокатилась по городу в «царской карете». Это дало ей основание более чем через шестьдесят лет написать на подаренном мне портрете: «От бывшей любимицы Великого князя Романова»

Если героине этого рассказа два или три года, то дело происходило в 1914 или 1915 году, когда самой рассказчице было ещё меньше. То есть, до Ольги Юрьевны знаменитое событие дошло в виде мифа. Мне тоже доводилось слышать в слегка различающихся версиях рассказ о раннем подвиге красоты бабушки Ариши. Замечательно, что все рассказчики считали, что внук Николая Первого был сослан в Ташкент в наказание за мезальянс. И лишь недавно я обнаружил, что его неравный брак с красавицей-казачкой — тоже миф, пристойная легенда, успешно запущенная в народные массы царским агитпропом. Вот справка-объективка [11] на нашего князя, раскрывающая подлинную причину ссылки:

Николай Константинович (1850–1918), великий князь, старший сын великого князя Константина Николаевича и Александры Иосифовны. В 1874 г. совершил святотатство: похитил в кабинете своей матери в Мраморном дворце в Петербурге драгоценные камни с оклада семейной иконы. Краденое пошло на содержание американской куртизанки Фанни Лир. Был признан психически больным и выслан из Петербурга. Многие годы прожил в Ташкенте, где весной 1918 г. умер от воспаления лёгких. С 1878 года был женат на Надежде Александровне Дрейер (1861–1929).

«Был признан психически больным». Как это по-русски, однако!

3.2.2. Наш Есенин

В мае 1921 года девятилетняя бабушка Ариша приняла невольное участие в известном событии, кульминацию которого передают слова:

Он кончил… И вдруг раздались оглушающие аплодисменты. Аплодировали не мы, нам это в голову не пришло. Хлопки и крики неслись из-за открытых окон, под которыми собралось несколько десятков человек, привлечённых громким голосом Есенина.

Эти приветствия незримых слушателей растрогали Есенина. Он сконфузился и заторопился уходить.

А дело было в том, что Лёнечка заболел менингитом, и Любочка, опасаясь заразы, отправила Аришу жить к Вольпиным на Ирджарскую. Тут как раз в Ташкент приехал сам **Сергей Александрович Есенин** (1895–1925), с которым Вольпин подружился в 1920 году в Москве, где тогда временно работал. 25 мая состоялся вечер Есенина в Туркестанской публичной библиотеке. Из воспоминаний Вольпина (1926) [12]:

На все просьбы присутствовавших прочитать хотя бы отрывки из «Пугачёва», к тому времени вчерне уже законченного, Есенин отвечал отказом. Однако он почти целиком прочитал свою трагедию через два дня у меня на квартире. Долго тянулся обед, затем чай, и, только когда уже начало темнеть, Есенин стал читать. Помнил он всю трагедию на память и читал, видимо, с большим наслаждением для себя. <…>

Он кончил… И вдруг раздались оглушающие аплодисменты.

Аплодисменты из-под вольпинских окон бабушка запомнила, а вот про авторское чтение «Пугачёва» ничего не говорила: событие было ей не по возрасту.

След, однако, не засох. Через 67 лет, под новый 1989 год, бабушке пришло письмо из ташкентского есенинского музея:

Будем очень признательны, если Вы опишете нам тот дом и комнату В. И. Вольпина, где С. Есенин читал «Пугачёва», Это для нас важно, т. к., возможно, будем восстанавливать интерьер, где важны все детали.

К тому времени у меня уже сложились сердечные отношения с народным музеем — вместе хлопотали перед городскими властями

о передаче под него дома, в котором жил Вольпин. Землетрясение этот дом пощадило. Пощадили ли власти, не знаю. Мы с вашей бабушкой поделились с музеем домашними фотографиями давних ташкентских поэтов и, главное, передали ему уникальный фотоальбом, выпущенный малым тиражом после похорон Есенина; этот альбом в 1929 году подарил бабушке дед Антон, ходивший тогда в женихах. 29 декабря 1988 года музей «с благоговением и благодарностью» откликнулся на «бесценный дар» и порадовал нас известием, что становится государственным.

3.2.3. Папа мальчика Алёши

Среди тех, с кем бабушка училась в школе имени Песталоцци, упомяну мальчика Алёшу, которого, наверно, можно было бы и не упоминать, когда бы не одно обстоятельство: отец этого мальчика был настоящей ташкентской легендой. Так было в бабушкины детские годы, так было и в мои. Надеюсь, по сей день ташкентцы гордятся тем, что они земляки Алёшиного отца.

Попутно всё же замечу, что и мне довелось быть знакомым с бабушкиным школьным приятелем, только много позже. Звали его уже не Алёшей, а Алексеем Валентиновичем, он заведовал лабораторией в одном из ленинградских академических институтов. Изначально наши разговоры не выходили за рамки общей профессии — физиологии нервной системы, но однажды я рискнул назвать ему школу Песталоцци и имя своей матери, после чего Алексей Валентинович растаял и наши с ним отношения приобрели иной, дружеский характер.

Так кем же был Алёшин отец **Валентин Иосифович Войно-Ясенецкий** (1877–1961)? Двумя словами ответить трудно, однако попробую: он был человеком настолько высокого жизненного подвига, что Русская Православная Церковь почитает его как святого. Существуют даже иконы, на которых изображён его лик.

22 ноября 1995 г. архиепископ Симферопольский и Крымский Лука определением Синода Украинской Православной Церкви причислен к лику местночтимых святых. Канонизирован как местночтимый святой Красноярской епархией РПЦ. В 1996 г. состоялось обретение святых останков архиепископа Луки, которые в настоящее время почивают в Свято-Троицком кафедральном соборе Симферополя. В 2000 году Архиерейским Собором Русской Православной Церкви прославлен как исповедник (святой) в сонме новомучеников и исповедников Российских. Почитается как святой другими поместными Церквями, в частности Греческой Православной Церковью. [13]

Самое наверно поразительное состоит в том, что долгое время Валентин Иосифович почитался ташкентцами вовсе не как церковнослужитель, рукоположен он был только в 1921 году (тогда и получил церковное имя о. Лука). К тому времени он уже был знаменит как хирург, добивавшийся уникальных результатов при лечении гнойных ран. В своей «Автобиографии» [14] Валентин Иосифович вспоминал:

Конечно, это необыкновенное событие посвящения во диакона уже получившего высокую оценку профессора произвело огромную сенсацию в Ташкенте… Мне пришлось совмещать своё священническое служение с чтением лекций на медицинском факультете, слушать которые

приходили во множестве и студенты других курсов. Лекции я читал в рясе с крестом на груди: в то время ещё было возможно невозможное теперь. Я оставался и главным хирургом ташкентской городской больницы, потому служил в соборе только по воскресеньям.

Репрессии поначалу носили умеренный характер, так что накануне третьего ареста (24 июля 1937) Валентин Иосифович ещё руководил операционным блоком ташкентского Института неотложной помощи. После этого ареста и ссылки в Сибирь он в Ташкент уже не возвращался.

Год за годом, претерпевая аресты и ссылки, этот замечательный человек твёрдо следовал обеим линиям своего служения, врачебной и церковной, и достижения его в обеих областях были настолько убедительны, что государство нехотя признало победу хирурга-епископа. В годы Великой Отечественной войны, нуждаясь в поддержке, оно вообще смягчило своё отношение к церкви, так что сразу после войны профессор Войно-Ясенецкий, к тому времени уже архиепископ, удостоился высокой государственной награды — ему присудили Сталинскую премию первой степени за труды по гнойной хирургии. Не парадокс ли, что премия носила имя лучшего друга советских священников.

3.2.4. Волковы

В той части воспоминаний, где О. Пославская касается своего и бабушкиного общего детства, неоднократно возникает оборот «мы, три семьи». Поясняю: речь идёт о летней кооперации трёх мам, которые совместно спасали от жары своё потомство. В период школьных каникул постоянными компаньонами Аришки и Лёньки были сёстры Лялька и Муська Пославские, а также братья-близнецы Юрка и Лёвка Поваренных (иногда присоединялся их старший брат Шурка). Мамы между собой дружили, отцы — не знаю, в летних предприятиях отцы, по-моему, участия не принимали. Шестёрка детей сберегла дружеские отношения до преклонных лет.

Брич-Мулла, 1926 год

Бабушке Арише (она крайняя слева в первом ряду) 14 лет

В верхнем ряду (слева направо):

Надежда Поваренных,
Любовь Павлова,
Валентина Пославская,
один из близнецов Поваренных (Юрка или Лёвка)

В нижнем ряду (слева направо):

Ариша Павлова,
второй из близнецов,
Муся и Ляля (сёстры Пославские),
Шурка Поваренных (страший брат),
Лёнечка Розенблат

Мать близнецов **Надежда Николаевна Поваренных** была по рождению **Волкова**. Ташкентские (а по происхождению ферганские) Волковы, в особенности дядька близнецов художник **Александр Николаевич Волков**, замечательно обогащали среду, в которой росла бабушка Ариша. У меня тоже есть основание быть благодарным этой семье: любовь к музыке развил во мне шурин художника Волкова **Андрей Семёнович Мельников**, тоже туркестанец по происхождению (Мельниковы, как и Волковы, из Ферганы). Виолончельный класс Андрея Семёновича в годы войны стал для меня второй семьёй. Так бы и сидел там круглые сутки, внимая Андрею Семёновичу и наблюдая, как совершенствуют своё волшебное звучание мои более опытные друзья — Сонечка Дымова (она стала музыкантом) и Горик Дворкин (а он почему-то стал, как я, доктором биологических наук, хотя вполне мог бы затмить Ростроповича).

Так вот, Волков. Возвращаю слово летописцу старого Ташкента Ольге Юрьевне Пославской [15].

Родители художника Николай Иванович и Феодосия Филипповна Волковы (1883 г.)

После взятия одного из селений солдаты нашли маленькую девочку, которая не знала своих родителей. Не знали их и в селении. Молодой военный врач взял её на воспитание, а когда ей исполнилось лет шестнадцать, женился на ней. Никто не знал, какой она национальности. Предполагали, что цыганка. Эту историю я знаю со слов Надежды Николаевны. Я видела мать её и Александра Николаевича, когда та была уже старухой — маленькой, худой, темнолицей, с огромными горящими глазами.

Двое из трёх детей военного врача Н. И. Волкова, Александр и Надежда, были необыкновенно талантливы. Слава Александра Николаевича, к сожалению, посмертная, перешла рубежи нашей страны, картины Волкова экспонируются в Третьяковской галерее. ...Сестра художника, Надежда Николаевна Поваренных, была блестящей пианисткой, с отличной техникой, просто сверхестественной при её маленьких ручках. Сколько раз мы с сестрой, уложенные спать в другой комнате, заслушивались ажурными шопеновскими этюдами и ноктюрнами в её изумительном исполнении.

А. Волков. «Автопортрет» («Мне 60 лет») Фанера, масло. 1946

Об А. Н. Волкове хочется написать отдельно. Уж очень это была колоритная фигура! Первое воспоминание о нём: мне было не более семи-восьми лет, когда он, сидя у нас в гостях, к ужасу наших родителей разрисовал меня и сестру масляными красками. Мы тут же с радостными криками выбежали на улицу показаться сверстникам.

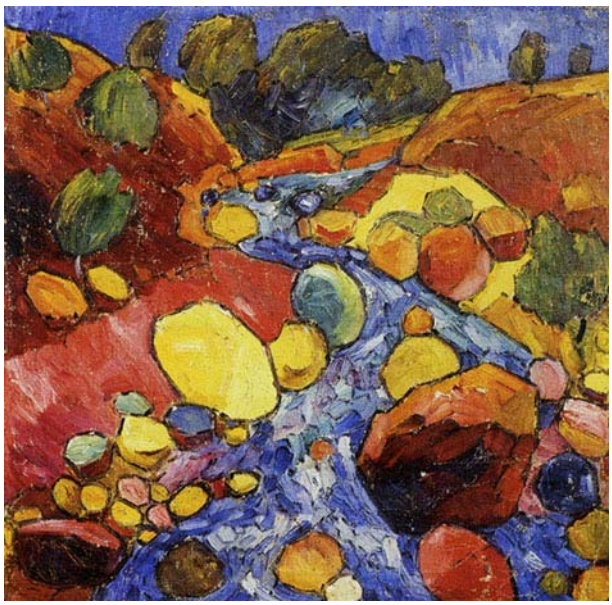
На всю жизнь запомнился облик Волкова более позднего времени: среднего роста, крепкий, с выпуклой грудью и широкими плечами, мускулистыми руками и ногами, с маленькими кистями и ступнями. На оливковом лице — удлинённые тёмнокарие глаза, тонкий нос, узкие губы.

Мы всегда смеялись, что страсть А. Н. Волкова к причудливой одежде — от матери-цыганки. А одевался он всю жизнь, как средневековый художник: берет, чёрный плащ, короткие штанишки, длинные чулки-трико. На руке у Волкова был браслет, сделанный из ишачьей подковы.

3.2.5. Брич-Мулла

Александр Николаевич был замечательным рассказчиком. Мы, дети, особенно любили «страшные» истории. Хорошо помню, как Александр Николаевич рассказывал их ночью в Бричмулле, где три семьи, Поваренных, Павловы и Пославские, снимали глиняные мазанки на три летних месяца. Ночевали обычно в саду на больших деревянных топчанах.

Чтобы попасть туда, надо было заранее позаботиться о каком-нибудь транспортном средстве. Обычно это была арба. В середине дня арба подъезжала к дому. На неё грузились посуда, кастрюли, вёдра, продукты из тех, что трудно было добыть в Бричмулле (например, рис, макароны), и постели. Одеяла раскидывались на помосте арбы толстым слоем, на него пассажиры усаживались, а то и ложились. Возница-арбакеш сидел на лошади, поставив ноги на длинные оглобли. Ехали до темноты, останавливаясь на ночлег в одном из селений. При более резвой лошади успевали доехать до Искандера — вблизи того места, где сейчас плотина и мост через Чирчик. Помню ночёвки под открытым небом, огромные звёзды, утренний холод и убаюкивающий сочно-хрустящий звук сена, пережёвываемого лошадьми. Из Искандера выезжали рано утром. Прежде всего переезжали на пароме через Чирчик, а затем уже ехали по левому берегу через Ходжикент и Юсупхану в Бричмуллу. Перед самой Бричмуллой надо было перебраться на другую сторону Чаткала, текшего в глубоком ущелье (сейчас все это глубоко под водой Чарвакского водохранилища). Мост был старый, покорёжился, сгорбился, изобиловал дырами, и переезжать по нему не рисковали: весь скарб перегружали на ишаков и далее три-четыре километра шли пешком, рядом с ишаками.



А. Волков. «Горная река Кок-Су». (Серия «Вода и камни»)
Холст, масло. 1914

А. Волков. «На арбе»
Холст, фанера, масло. 1925

…К нам часто приезжали гости, вернее, гости часто бывали, но не всегда приезжали, так как никакого транспорта не было. Редко удавалось нанять арбу, на которой расстояние от Ташкента до Бричмуллы преодолевалось за два дня, с ночёвкой в пути. Некоторые гости приезжали на велосипедах, но чаще приходили пешком, совершая длительное и нелёгкое путешествие.

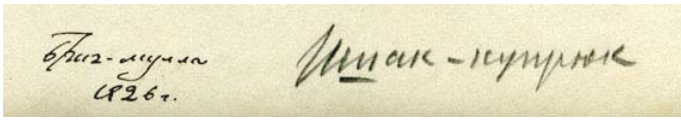
Однажды пришёл Волков, и когда мы, шестеро детей, улеглись на своём топчане, он подсел к нам и стал рассказывать леденящие душу истории. Закончил. Мы притихли, переживая услышанное. Вдруг Александр Николаевич, указывая куда-то вглубь сада, взволнованно зашептал: «Что это там?! Смотрите! Кто-то крадется!» Мы сжались в кучу, пища от страха. Он тут же стал нас успокаивать.

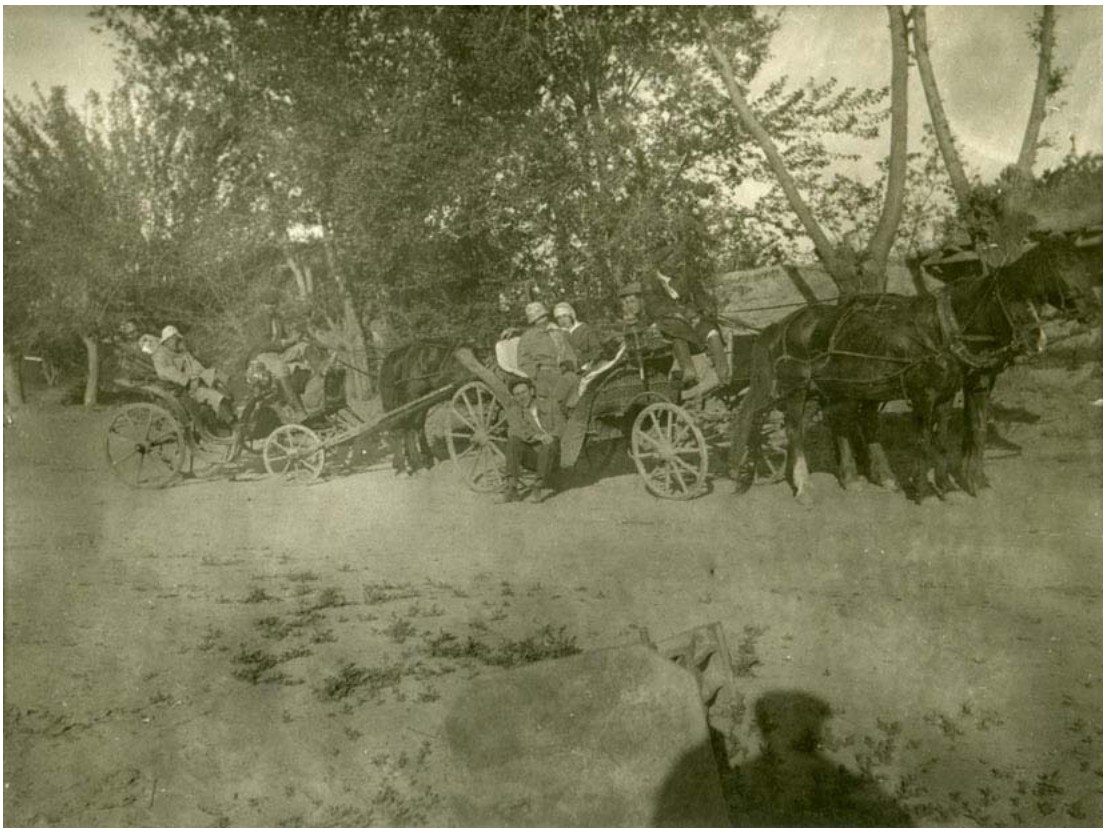
Добавлю, что с Брич-Муллой Александра Волкова связывала большая беда: там скончалась его первая жена Маруся — художница Мария Ильинична Таратутина (1998–1925).

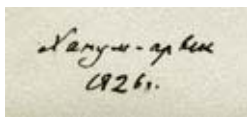
Брич-Мулла запечатлена не только в живописи Александра Волкова, но и в рисунках Марии Дмитриевны Трусовой (храни их бережно, Анюта!). Есть у нас и фотографии Брич-Муллы, их в 1926–1929 годах делал то ли мой отец, то ли его брат Мина Григорьевич Сахаров.

Брич-Мулла
(крайний слева Антон ?)
1926 г.

Брич-Мулла


Бриг-мулла
1926 г.
Ишак-купрюк




Хатум-арык
1926 г.

3.2.6. Старый город

С детскими годами вашей бабушки Ариши связаны и другие сюжеты О. Ю. Пославской. [16]

А. Волков
«Гранатовая чайхана»
Холст, масло. 1924

В старый город трамвай ходил по улице Ленина, через Обуховский сквер, и мы, дети, ездили на нём «покататься». ...По пути [к базару] была остановка «Шейхантаур», священное для мусульман место. Хорошо помню посещение Шейхантаура во время поста — уразы́. Лишь вечером, когда по правилам уразы «белую нитку нельзя отличить от чёрной», не только утоляется голод, но начинается настоящий праздник. ...Трубили гигантские карнаи, рассыпались дробью большие бубны-дойры и барабаны-ногора — керамические горшки с натянутой на горловину кожей. Узбечки появлялись на празднике только в парандже, накинутой на голову, с лицом, закрытым чачваном — чёрной сеткой из конского волоса. Нам с сестрой одна знакомая подарила такие паранджи с чачванами и дойру. Играя, мы надевали этот наряд и выходили в нём на улицу. Под дойру, на которой научились играть, пели узбекские песни и танцевали. В те времена в моде была песня «Аманвёр».

В Шейхантаур приходили не только узбеки, но и русские, армяне, которых всегда было много в среднеазиатских городах, евреи; многие с детьми. Вообще, на всём быте европейского населения ощущалось узбекское влияние. В каждодневном обиходе были пиа́лы, касы́, ляга́ны, «чираки». Все ежедневно ели катык — кислое молоко особой закваски, а праздничными блюдами были плов, кавардак и только изредка — пельмени. Впрочем, ташкентские пельмени всегда больше напоминали узбекскую чучвару́ мелкими размерами, обилием перца и душистых приправ.

В русской речи мелькало много узбекских слов. Девчонки мазали брови усьмой, а ладони и ногти — хной.

А. Волков. «Караван»
Фанера, масло. 1944

Улочка, идущая дальше на запад от Шейхантаура, вглубь старого города... приводила к исконному центру Ташкента — Хадре́. Этот центр возник ещё в VII веке и сохранял своё значение благодаря главному рынку города — Старогородскому базару.

...От базара можно было проехать на трамвае дальше в сторону Тахтапуля. Здесь на берегу канала Калькауз три дружившие семьи — Поваренных, Павловы и Пославские — снимали в 25–26 году «дачу» — помещение, из которого местные жители выезжали на лето. Сдавались не только глинобитные мазанки, но и дворы, сад и виноградник.

...На берегу Калькауза была большая чайхана, где отдыхали мужчины окрестных кварталов: распивали чаи, приготавливали и вкушали плов и,

А. Волков. «Курильщики анаши»
Бумага, чёрный карандаш. 1926

А. Волков. «Чайханы старого города»
Холст, масло, темпера, лак. 1926

И. Павлова в 13 лет

(Ташкент, ул. Ленина, 12. 15 февраля 1924 г.)

к сожалению, курили анашу, характерный запах которой доносился из темноватого помещения чайханы. Почему-то мы с Ириной решили проводить агитацию против употребления наркотиков. До сих пор не пойму, почему нас не побили одурманенные наркоманы. Было нам в те годы всего двенадцать и четырнадцать лет, и мы самоуверенно, если не сказать нахально, поучали взрослых мужчин, что курить анашу вредно. Идиллические были времена!

Курильщики анаши на улице не показывались, невозможно было встретить и пьяного мусульманина. ...Идёшь вечером по городу, навстречу компания молодых людей. Немного волнуешься — вдруг заденут? Подходят ближе, слышишь узбекскую речь. Значит, можешь быть спокойна. В большом взаимном уважении жили мы на наших пригородных «дачах» среди узбекского населения.

Ещё раньше, в 22–23 годах, мы, всё те же три семьи, снимали такую же «дачу» на берегу Бозсу. Дом стоял на лёссовом обрыве около арыка Кунграк. Хозяин Бекходжи был женат на красивой казашке. У них было много детей, в том числе девочка и мальчик, Наима и Анвар, наши с сестрой ровесники. Мы дружили и играли с ними не только летом. Они с отцом приходили к нам в гости и зимой в городе. Поэтому я с детства неплохо знала узбекский язык, хотя говорила, как мои друзья, с казахским акцентом.

Слова О. Пославской о жизни в «большом взаимном уважении» относятся к 1922–25 годам, поздние свидетельства говорят о том же. Вот слова родившегося в 1937 году скульптора Александра Александровича Волкова — сына знаменитого Волкова:

Каждый ташкентец знал: попади он в самый дальний кишлак, кров и гостеприимство ему будут обеспечены. Национальной розни не было, Ташкент принимал в разные года огромное количество людей и всем помогал устроиться жить — это был многолетний процесс ассимиляции и слияния

культур. Жаль, что сейчас он прервался. Тогда я мог сказать: «Узбекистан — это и моя земля», теперь — это только далёкая родина. [17]

Да и в собственном московском детстве я слышал только уважительные слова о народе, среди которого выросли мои родители. Из рассказов складывался образ Благородного Узбека. У него тяпка-кетмень. Какое б ни пекло, Благородный Узбек всегда с кетменём, всегда в труде. На базаре Благородный Узбек не торгуется — зачем торговаться, если он назначил своему товару справедливую цену.

Когда, с чего началась обоюдная порча?

3.3. Летопись жизни

3.3.1. Автобиография

Вот бабушкина автобиография. Написанный от руки документ такого рода, содержащий серию обязательных сведений (родня, работа, общественная работа, поощрения, наказания и т. п.), каждому советскому человеку надлежало представлять при каждом повороте учебной или служебной карьеры. Народная молва утверждала, что кадровики, то есть работники «органов», сверяют каждый новый экземпляр автобиографии с предыдущими: нет ли расхождений, свидетельствующих о том, что человек для чего-то врёт или что-то скрывает или вообще написал не сам. Как бы детектор лжи. Поэтому дома у бабушки Ариши (как и у деда Антона) хранился образец собственной автобиографии, с которого списывали очередные версии. Видимо, здесь такой образец.

Павлова Ирина Владимировна родилась в гор. Ташкенте Узбекской ССР в 1911 г в семье служащего. Отец Павлов Владимир Алексеевич по образованию экономист умер в 1945 г. Последние места работы — экономист в ОГНУ Сред. Азии, затем в Н.К. Соц. обеспечения Узб. ССР. Мать Павлова Любовь Сауловна домашняя хозяйка, пенсионерка, живёт со мной. В 1920 году я поступила в Среднюю школу в г. Ташкенте и в 1929 г окончила её. В том же году вышла замуж за доцента Средне-Азиатского Коммунистического Университета Сахарова Антона Григорьевича. В 1930 г родила сына Дмитрия. В связи с переходом мужа на работу во Всесоюзный Коммунистический У-т им. Свердлова в 1932 г переехала в Москву. С 1932 г по 1934 г работала в Дирижаблестрое заведующей техническим архивом. В 1934 г поступила по конкурсу в Театральное училище при МХТ-2. В 1936 г училище было расформировано и я поступила на работу в труппу Московского транспортного театра. В 1937 г уволилась по собственному желанию и перешла работать в Московский областной театр им. Маяковского. В 1941 г театр был расформирован и я с сыном уехала к родителям в Ташкент. Муж ушёл по мобилизации на фронт. С 1941 по 1943 г я работала актрисой в Гастрольном концертном объединении в г. Ташкенте в детской эстраде. С 1943 г до сего времени — актриса Московского Театра Драмы. Всё время работы в театре несу общественную работу, работая профоргом труппы. Во время Отечественной войны выезжала с концертной бригадой для обслуживания частей Красной Армии и госпиталей, за что и награждена Почётной грамотой. Имею медаль «За доблестный труд

1941–1945 гг» и медаль «700-летие Москвы». Ни я, ни мои родственники под судом и следствием не были.

Москва. Улица Чехова 3 кв 26
4/I 1949 г
Подпись

Добавлю кое-что со слов бабушки из своих записей от 8 сентября 1985 и 22 августа 1988 года.

3.3.2. Женитьба

В июне 1929 года Ариша окончила школу, а 25-го (или 23-го?) декабря расписалась с Антоном. Володя, её отец, с горя грозился, что один-одинёшенек уедет в Хиву, в пустыню, он не хотел этого брака. А Любочка была непротив, так как Антон любил персиковое варенье, которое она варила. Антон был человек с положением, работал в университете, это ей тоже льстило. Позже Володя очень полюбил Антона.

У Павловых в это время жил фокс — сучка Джен, её звали Женька. Она очень любила сахар. Володя дразнил её так: «Женька, Сахаров идёт!» — и сучка начинала прыгать.

Ариша в 15 лет

(Тут я прервусь и напомню Петеньке, что когда он был маленьким, у нас тоже была сучка, полуфокс Кабирия (Тяба). И была у Тябы похожая слуховая иллюзия: она начинала прыгать при слове «коричневый», мы её этим дразнили. Дело в том, что Тяба обожала ходить в гости и больше всего — *к Аришеньке*.)

Расписывались одновременно обе сахаровских пары — Ариша с Антоном и Мина с Галей. Пришли вчетвером, в городскую управу (угол Ленина и Сталина, напротив библиотеки). Галя (их записывали первыми) сказала: «Я оставляю свою фамилию». Ариша тут же решила сделать так же и осталась Павловой.

Поженились и пошли по домам — Аришка к себе, а остальные трое к Сахаровым в Сухаревский тупик, Галя там у них уже жила, это рядом, через Обуховский сквер. Не было никакой свадьбы, никак не отмечали; Аришка вообще не ходила в тот дом, так как Наталья Ивановна не хотела, чтобы Антон женился на девице без образования, да ещё и бедной. (Но потом Аришка стала её любимой снохой.) Виделась с Антоном только у Пославских, которые жили в том же дворе, где Сахаровы, но в другом доме. У них Антон с Аришей и познакомились.

Милой Аринушке. Антон 3. X. 929 г.

Семьи Павловых и Сахаровых пересекались за несколько лет до этой женитьбы. Ещё при жизни Антонова отца Любочка работала с ним в «Директории по топливу», и Григорий Иванович Любочке не раз помогал — дрова, какие-то обеды, за которыми в эту директорию Ариша ходила с Лёнькой. Тяжелое (суп) должен был нести Лёнька, но он ставил кастрюлю на землю и уходил вперёд, и Ариша после терзаний несла сама.

Володя Лёньку очень любил и не делал различия между приёмным сыном и родной дочерью.

Три семьи и до Брич-Муллы ездили вместе на дачу — в Тахтапуль, Кунграк; снимали целый двор с виноградником. Любочка особенно дружила с Валентиной Васильевной. В Брич-Мулле Арише было уже лет 15, туда

приезжал Антон — как бы в гости к Валентине Васильевне, на самом деле он был увлечён Аришкой, которая тогда училась в школе.

Послáвские жили в Сухаревском тупике всегда, сколько Ариша себя помнит. У них каждый вечер собирались гости: Ариша с Любочкой (но не Володя и не Лёнька), Надежда Николаевна Поваренных (без мальчиков; Сергей Иванович, её муж, почти не бывал), супруги Куны, Зáщуки (Сергей и Надежда, их знали по Тахтапулю); из детей там бывали только Аришка и обе девочки Послáвских, Ляля и Муся. Взрослые играли в шарады и другие игры и детей тоже привлекали; Юрий Ильич придумывал смешные развлечения.

Антон чуть не каждый вечер ходил к ним, он был в большой дружбе с Послáвскими, больше никто из Сахаровых не ходил. Он был и учеником Юрия Ильича, и соседом.

3.3.3. Мельничный

После дом в Сухаревском продали и переехали в Мельничный переулок. Там была комната у Наталии Ивановны с Маврой Яковлевной (эта «Маконька» была вроде как экономка), другая комната, большая и удобная, непроходная, была у Мины с Галей (которая, как и Ариша, была беременна). И была проходная комната, в которую позже въехали Ариша с Антоном. Но сначала они снимали комнату в соседнем Мельничном тупике у Жени Пикок.

Ещё была тёмная кухня.

В Мельничном обнаружилось различие характеров между безропотной Аришей и Галей, женой Мины Григорьевича. Наталья Ивановна без спроса входила во все комнаты, Галя её однажды шуганула. Вообще, всегда одергивала.

Во дворе было много персиков, они шли с мая — от Ларисиного рождения — до ноября, моего. Ещё во дворе стояло большое урюковое дерево, на котором было больше урючин, чем листьев. Мелкие, но очень сладкие. В это дерево Ариша закапывалась плакать о своей несчастной жизни — потому что каждый день ели одно и то же мясо, от которого её, беременную, рвало. Готовила домработница Сима, она жила в тёмной комнате.

У Журавлёвых на даче

Слева направо:

Дима Журавлёв с Ольгушкой на руках,
Ира Журавлёва,
Муся Трусова,
Эся Фурман,
Ариша Павлова в ожидании Мити

(Ташкент, р. Салар, 1930 г.)

Ариша с сыном Митей (Ташкент)

Рожала Ариша в комнате Мины и Гали, помогала акушерка. Сама Галя за полгода до Ариши родила Ларьку в больнице.

Когда мне было девять месяцев, ездили на лето на Волгу в Углич.

В Мельничном жил очень хороший доктор Константин Фёдорович Попов, он Ларьку и меня вёл с младенчества. Позже Попов тоже перебрался в Москву, где оставался детским врачом для всех Сахаровых.

3.3.4. В Москву

Первым уехал из Мельничного Мина — сначала в Алма-Ату, затем в Москву. За Миной в Москву перебрались Галя с Ларисой, так что Ариша и Антон какое-то время жили в Мельничном без них.

Дом продали, Наталья Ивановна тоже поехала к детям в Москву, Ариша со мной перебралась к Павловым, Сима в свои Челны. Так как Ариша уже работала, нянчиться со мной приходила Мавра Яковлевна, остававшаяся где-то в Ташкенте. Она звала меня «хлю́стом»; у меня было белое, вышитое голубым пальтишко, сшитое Елизаветой Владимировной. Ариша работала в библиотеке учебного комбината.

В Москву мы с Аришей ехали в купе, был 32-й год, осень. Антон уехал незадолго до нас. Жили у Красовских на Пречистенском бульваре, потом в Волковом переулке возле зоопарка у Каринских, это были знакомые Антона, у них была квартира и они сдавали нам комнату. Там была приходящая няня, некрасивая девушка Тоня; она гуляла со мной по зоопарку.

В это время в Москве уже жила с мужем Муська Трусова. Она работала чертёжницей в «Дирижаблестрое» — на Петровке в Пассаже, на самом верху. Туда же устроила Аришу архивариусом.

(Советский Союз был тогда лидером мирового дирижаблестроения, «Дирижаблестрой» создали под знаменитого полярника Умберто Нобиле, которого по специальному контракту выписали из Италии консультировать строительство советских дирижаблей.)

Нобиле было не до Аришки, ей не до него. По её словам, делать там было совершенно нечего. Готовила чай, когда устраивались заседания.

Наверно, через полгода Антон получил комнату на Малой Дмитровке. В нашей, правой половине квартиры уже жили соседи, с которыми потом прожили много лет, — Шевкины, Царьковы, Барановы, Бычевские.

Вещи у нас были в основном из Ташкента: сундук, письменный стол, даже мороженица.

О пианино. У Николая Степановича Назарова была сестра, Лидия Степановна Скворцова, а у Скворцовых в Москве были друзья или дальние родственники, которых в 36- или 37-м году арестовали; они попросили взять пианино на хранение. В хрущевскую оттепель, приходил выпущенный из ГУЛАГа хозяин, и мы это пианино у него купили. После этого отношение к пианино в доме изменилось, стало более свободным и беспечным. Муська Трусова, приходя, играла небольшую пьеску, которую она называла экосезом Бетховена, других вещей не знала.

О сундуке. Он был огромный, стоял в прихожей возле входной двери, на нём спали гости всей коммуналки. Письменный стол был тоже огромный и очень хороший — дубовый, резной; с ним пришлось расстаться при переезде в 1959-м с Малой Дмитровки. Мороженица была старинная, мороженое на ней в Москве крутили лишь однажды, куда она делась, неизвестно.

По бабушкиным словам, у нас в Москве была довольно большая картина Волкова — узбек с бандурой, весь из кубиков. Картины не помню и судьбы её не знаю, но сохранилась небольшая акварель Волкова, тоже кубического. Что-нибудь около 1918 года, судя по манере. Был ковёр во всю стену и большая жёлтая сюзане с зелёной вышивкой, её украли во время войны. Ковёр за войну проела моль, его продали. На сюзане я в детстве насмотрелся, засыпая; там в верхнем углу один из элементов орнамента выпадал из ряда, и отец говорил, что этого требует узбекская эстетика.

Екатерина Алексеевна Назарова и Митя Сахаров
(Москва, М. Дмитровка, июль, 1955 г.)

3.3.5. Театр

Если судить по автобиографии, приобщение к театру началось у бабушки с 1934 года. Но согласно запискам О. Ю. Пославской, бабушка ещё до отъезда из Ташкента принимала участие в любительских спектаклях.

Как и теперь, за главным зданием ДКА (Дом Красной Армии) существовал небольшой парк, вечерами играла музыка, которая была слышна в Сухаревском тупике. В летнем театре парка проходили киносеансы или эстрадные концерты. Выступали и самодеятельные артисты. Особенно хорошо помню спектакль по пьесе Файко «Человек с портфелем», роль Гоги играла Ирина Павлова (впоследствии — актриса театра Революции). [18]

В 34-м году кто-то в «Дирижаблестрое» посоветовал бабушке идти в актрисы. Она поступила в театральное училище 2-го МХАТа. У них это был первый набор. Одновременно с бабушкой конкурс в училище выдержали будущие знаменитости — Юрий Любимов, Елена Фадеева, Георгий Вицин... В 35-м перешли на 2-й курс, но тут произошла вся «вредительская вещь» — слили Реалистический театр с Камерным, театр Моссовета услали в какой-то город, а Берсеневу, худруку 2-го МХАТа, предложили с театром уехать в Киев. Он обратился за помощью к Тухачевскому, а тот уже был в опале, и в одну ночь театр ликвидировали, Ариша услышала об этом по радио в последних известиях.

ТЕАТРАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ
МОСКОВСКОГО
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА
ВТОРОГО
3/I. №1 1936 г.
Москва, пл. Свердлова, 2/7
тел. 1-57-12

СПРАВКА

Дана тов. Павловой И. В.
в том, что она действительно студентка II-го курса Театрального Училища Московского Художественного Театра 2-го
с „1" октября 1936 г.
Для представления в Местком Н.Ю. Союза Домработниц.

Секретарь Театр. Училища МХТ-2 И. Строкина

М. П.

ФЗУ ОГИЗа. Зак. 1142

В 11 вечера побежала в театр, и туда прибежали все актёры и все студенты училища. В фойе у входа в кабинет Ивана Николаевича (Берсенева) увидела две сброшенных на пол шубы — его и его заместителя.

Разрешили сыграть только один спектакль, «Мольба о жизни». После конца были овации, публика стояла очень долго, а занавес открывать не разрешили. Берсенев метался за кулисами и всё же сказал: Открывать!

Все вещи было велено унести в один день, это был родной дом стольких людей, ничего другого у них не было. Почему-то снесли всё в помещение, где рылось метро.

Позже, когда Берсеневу дали театр Ленинского Комсомола, он взял туда Бирман, Гиацинтову, из молодёжи — Люльку Фадееву, потому что она была племянницей Гиацинтовой. Аришу не взяли, хотя она была на лучшем счету и ей прочили роли, которые играла Гиацинтова.

Лидия Ивановна Дейкун и Аркадий Иванович Благонравов ушли тогда в Транспортный театр и взяли туда Аришу актрисой, так как училище тоже разогнали. У неё так и осталось два курса. Некоторые с её курса, в частности

Юра Любимов, Люля Замковская, Месхи, Вицин, ушли доучиваться в училища Вахтанговского и Малого. С Аришей в Транспортный ушла Ира Потоцкая. Гиацинтова сказала Арише: «Не ходи никуда доучиваться, ты готовая актриса».

Виктор Драгунский, позже ставший писателем, тоже был актёром Транспортного. Он играл Скапена в «Проделках Скапена».

В этом спектакле была занята и Ариша, а её возлюбленного играл Николай Алексеевич Павлов (всего в труппе было трое Павловых). В 37-м году готовили концерт к 100-летию смерти Пушкина, Арише предстояло читать письма Керн. Однажды на репетиции разговорились с Николаем Алексеевичем о родне и выяснилось, что Ариша его племянница. Он был сыном Терезы, второй жены Аришиного деда Алексея Герасимовича Павлова. У Терезы было два сына, другого, кажется, звали Павлом Алексеевичем. Между разными гнёздами потомков Алексея Герасимовича никогда до этой встречи не было даже переписки. Николай Алексеевич очень любовно отнёсся к Арише.

В это время в Транспортном театре в Аришу влюбился директор и велел ей разойтись с Антоном и выйти за него замуж — или уходить из театра. Актёры очень его не любили. Этот директор, Калинкин, увидев Николая Алексеевича, обнимавшего в фойе за плечи свою племянницу, взбесился и велел ей написать заявление об уходе. Актёры уговаривали её писать жалобу в Комитет по делам искусств, но она этого делать не стала и ушла. Был 37-й год.

Московский театр, в труппу которого бабушка поступила в 1943 году в Ташкенте, назван в автобиографии Театром Драмы. На самом деле это был знаменитый Театр Революции, которому заменили название, чтобы не пугать англо-американских союзников по антигитлеровской коалиции. Позже название поменяли снова, получился театр имени Маяковского.

В этом театре бабушка проработала больше полувека. Когда её, ещё не старую, собрались уволить «по сокращению штатов», она без амбиций перешла из актрис в ассистенты режиссёра. Когда стало трудно работать помрежем, нашла себе работу полегче — сидела на служебном входе, отвечала на звонки приятелей-актёров о занятости в репетициях. То есть осталась в театре, что позволяло оставаться счастливой.

В гримёрной (на гастролях)

Мы все поперебывали там у бабушки на служебном сквозняке, Анюта даже поработала в костюмерной. Бабушка радовалась нашему приходу, вытаскивала кипятильник, готовила сыночку или внучку чай с лимоном. Знакомый нейрофизиолог Павел Васильевич Симонов, увидев меня там, в театральном пыльном чреве, долго пялился, не в силах понять, кто я такой: до того мы с ним встречались исключительно на академической почве. (А Павла Васильевича занесло туда тоже по семейной линии, у него там дочь, актриса Евгения Симонова.) Старые актёры, забежав глянуть в расписание, узнавали-целовали, путали меня с тобой, Петенька. Наконец, случился сбой — бабушка дала одному из актёров ошибочную справку, из-за чего чуть было не сорвался спектакль. Пришлось признать, что время её истекло. Но жить без театра не умела, не хотела, смерти не противилась и вскоре умерла. Это случилось 6 сентября 1999 года, на восемьдесят восьмом году жизни.

Вечер к 100-летию А. С. Пушкина
И. Павлова справа, рядом — В. Драгунский, 4-й слева — Н. А. Павлов, её дядя
Центральный транспортный театр (ныне Московский драматический театр имени Н. В. Гоголя), 1937 г.

С Иваном Рыжовым в роли Лёньки
в спектакле «Год 19-й» по пьесе И. Прута

С Якушеым в спектакле «Родина»
по пьесе Г. Зудерманна
(1941 г.)

В роли Эмилии в спектакле «Эмилия Галотти»
по пьесе Г.-Э. Лессинга

С В. Латышевским в спектакле «Весна в Москве»
по пьесе В. Гусева
(декабрь, 1948 г.)

В роли Королевы и Актёра в спектакле «Гамлет» по пьесе В. Шекспира

В роли Выриковой в спектакле «Молодая гвардия» по роману А. Фадеева

В роли Марселлы в спектакле «Собака на сене» по пьесе Л. де Веги (1956 г.)

3.3.6. «Всегда занята»

Хорошо, что театр стал бабушке семьёй, — с дедом Антоном у неё семьи не получилось. Она это осознала довольно рано. Но другой семьи заводить не стала, — возможно, из-за меня.

В упоминавшихся записках Аришиной одноклассницы М. Трусовой есть главка «Митя», касающаяся моего детства. Там приводится такой эпизод:

Однажды перед самым моим уходом Антон подошёл ко мне и в довольно резкой форме сказал:

«Прежде чем уходить, вы бы хоть перекрестили Митьку в постели. Ведь у него нет матери. Всегда занята».

С тех пор я никогда не уходила, не уложив Митю и не перекрестив его.

Ариша с сыном и Муся Трусова (дер. Рождественно, 1935 г.)

Достоверность записок как правило сомнительна: кое-что Мария Дмитриевна художественно преувеличивала, иное просто присочиняла. Перекрестить меня на ночь — такого у нас вообще не водилось, религиозной была только Наталья Ивановна, умершая в 1936 году. Вот поцеловать было в порядке вещей.

«Нет матери»? Не вспомню, чтобы мать гуляла со мной по Москве. Или чтобы играла. Все маршруты были с отцом, все игры изобретал тоже он и сам получал от них удовольствие. Для игр нужен особый талант, которого у матери моей по-видимому не было. Но мать меня любила, я это всегда чувствовал и комплексов не испытывал. Одним из выражений её любви была постоянная тревога за меня, этой тревогой мать изводилась как в мои детские годы, так и когда я стал отцом и дедом. С годами её беспокойство распространилось на мою семью.

Такой же была её мать, моя бабушка Люба. Да я и сам такой.

Знаю, вам обоим обострённая тревога за близких кажется наигранной, ненатуральной. Вы этого недуга от меня не унаследовали, как я, увы, не унаследовал от своего отца изощрённой изобретательности по части игр с детьми.

И. Павлова с сыном (Кропотово, 1990-е гг.)

3.4. Родня по Павловым

3.4.1. Потомки неведомой Терезы

Рассказ бабушки Ариши о внезапном обретении родного дяди в ходе подготовки к Пушкинским дням 1937 года я записывал не однажды. Согласно записи 1985 года, Николай Алексеевич Павлов, «прелестный человек», жил тогда с женой возле улицы Горького (Тверской) в том Мамоновском переулке, где глазная больница. Однажды бабушка Ариша к ним приходила. Детей у них не было. Но в том же Транспортном театре он сошёлся с актрисой Ириной Потоцкой, которая родила от него мальчика. Она сама воспитала сына, он жив, и нам он не очень даже дальний кровный родственник.

О другом своём дяде по линии Терезы, названном на этот раз не Павлом, а Алексеем Алексеевичем, бабушка Ариша знала только по упоминанию о нём Николая Алексеевича. Ей запомнилось, что Алексей Алексеевич инженер и имеет двоих детей.

Фотографию их отца Алексея Герасимовича Павлова, на которой ваш прапрадед в эполетах, мы получили от Николая Алексеевича, он прислал её через много лет, в 1964 году.

3.4.2. Назаровы

Но я обещал рассказать о нашей ближайшей ташкентской родне — родне по Аришиной тёте Кате. Этой ветви павловского рода досталась фамилия главы семьи **Николая Степановича Назарова**, мужа Аришиной тёти Кати — **Екатерины Алексеевны**, в девичестве Павловой.

По рассказам бабушки Ариши (запись 1985 года), Николай Степанович был большой шутник, с подковыркой, очень ироничный человек. Он был коротко стриженый (как и его сын Коля), небольшого роста, ниже тёти Кати, рыжеватый. Свой дом на Ниязбекской Назаровы построили ещё до революции. Николай Степанович любил работать в своём саду, даже завёл большую редкость — фейхуа.

Мне самому повидать Николая Степановича Назарова не довелось, он умер до войны. Знаю, что его сестра **Лидия Степановна,** по мужу **Скворцова**, была матерью известных в Ташкенте братьев, профессоров-географов **Скворцовых — Юрия Александровича** (1898–1968) и **Алексея Александровича** (1900–1954). В годы войны я видел этих Скворцовых в доме Назаровых и считал их друзьями семьи; оказалось — близкие родичи.

Свою тётю Катю бабушка Ариша аттестовала как очень большую чистюлю. *«Они жили в достатке: много белья, хорошая еда, не как мы»*. Да я и сам это видел.

Немного из записок Ольги Юрьевны Пославской:

Мне хорошо был известен дом на Ниязбекской, теперь уже снесённый. Принадлежал он семье Назаровых, тёте и дяде Ирины Павловой. Глава семьи, Николай Степанович, преподавал физику в университете. Впрочем, главой семьи была, несомненно, его жена Екатерина Алексеевна, урождённая Павлова, в прошлом учительница, женщина необыкновенного ума, ироничная и величественная. Их сын Николай был ташкентской знаменитостью. В четырнадцать лет он поступил на механико-математический факультет Среднеазиатского университета,

в восемнадцать — закончил его, в двадцать шесть стал профессором. Кроме того, он был мастером спорта по гимнастике, выступал в цирке с акробатическими номерами. Лето он обычно проводил в горах, путешествуя по необжитым высокогорьям, и умер от воспаления лёгких на леднике Федченко, на высоте около 4000 м. Ему не было и сорока. [19]

Николай Назаров и Леонид Розенблат

Ташкент, ул. Ленина, 12
11 февраля 1924 г.

Здесь мы наконец приблизились к **Николаю Николаевичу Назарову** — единственному сыну Екатерины Алексеевны Павловой и, соответственно, единственному двоюродному брату бабушки Ариши. Он родился 23 февраля 1908 года в Ашхабаде, умер 13 июля 1947 года — но не на самом леднике Федченко, а в городке Мургабе Памирском, куда его, заболевшего, поспешили спустить с ледника.

Датированная 1927 годом газетная статья позволяет понять, почему дядя Коля Назаров стал ташкентской знаменитостью. Статья называлась «О ТАЛАНТЕ И… «СОДЕЙСТВУЮЩИХ».

Несмотря на свои три года, мальчик, к немалому огорчению родителей, ещё не начинал говорить. В семь лет никак не мог научиться читать, и самой большой угрозой для него была школа, одно только упоминание о которой вызывало море слёз. Общими усилиями родителей удалось подготовить десятилетнего Колю к экзамену в первый класс гимназии.

Отец-математик давно уже задумывался над тем, почему детям так трудно даётся математика — эта наука, связанная с цифрами. На своём собственном сыне, оставленном дома для учения, он решил проделать опыт, совершенно не подозревая тех последствий, которые готовились судьбой. ***В возрасте 10 лет сын учителя Назарова одолел весь курс физики и математики средней школы, курс, который проходится в течение 7–8 лет!***

В 1919 году, когда Николаю Назарову было 11 лет от роду, он вместе с приятелем, на несколько лет старше и окончившим гимназию, пошёл на физико-математический факультет тогда ещё Ташкентского университета и заявил о своем желании учиться. Здесь с иронической улыбкой выслушали его намерения, задали пару-другую вопросов и, убедившись в наличии математических знаний, разрешили посещать лекции в качестве вольнослушателя. Новоиспечённого вольнослушателя после университетских занятий сплошь и рядом можно было встретить на улице в компании сверстников, с весёлым смехом погоняющим обруч.

Дальше будем говорить словами проф. Романовского: «Мальчик с большим рвением и весьма исправно посещал все лекции и практические занятия и при переходе с первого курса на второй подвергся всем испытаниям, которые ***выдержал блестяще и лучше всех своих взрослых товарищей по курсу.*** *При испытании ему намеренно ставили трудные и тонкие вопросы, испытание производилось особенно тщательно и всесторонне, но он давал совершенно правильные, ясные ответы, показывающие, что он овладел предметами первого курса во всех тонкостях».*

После этого Назаров был зачислен студентом 2-го курса физматфакультета САГУ ***и весной 1923 г. 15 лет от роду лучшим окончил курс****.*

(Здесь «окончил курс» применено в старинном смысле — окончил университет.)

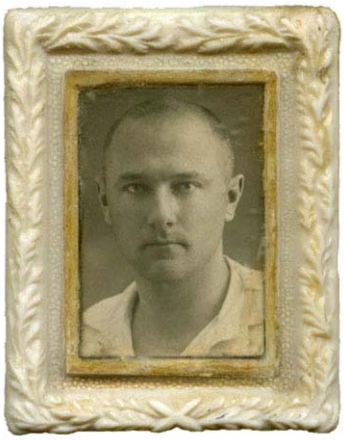
Однако, это ему далось не так уж гладко. В 1922 году строжайшая комиссия по проверке личного состава студентов «вычистила» Назарова из университета. 14-летнему гениальному третьекурснику, сыну трудового интеллигента-педагога, блестяще сдавшему все зачёты, не пропустившему ни одной лекции и практической работы, было поставлено в вину, во-первых, что он недостаточно полно осветил перед комиссией разницу между гражданским и церковным браком, во-вторых, не мог точно ответить, каков взгляд коммунистической партии на историю и «бытие ли определяет сознание или сознание — бытие», в-третьих, не мог полно обрисовать все этапы революции «с Октября по сие время», не говоря уже о том, что не знал, как отражаются технические усовершенствования на рабочих.

..Для получения звания учёного специалиста-математика надо было ещё сдать научную работу, и пятнадцатилетний юноша, взяв тему «о приближенном вычислении определённых интегралов», выполнил и сдал её профессору Романовскому. Последний дал блестящий отзыв об этом труде и предсказал Назарову большое будущее, ибо феноменальный молодой математик, следуя в своей работе за академиками В. А. Стекловым, П. Л. Чебышёвым, А. А. Марковым и проф. Бернштейном, дал обобщение некоторых результатов, достигнутых этими учёными.

Здесь, примерно на середине, кончаю цитировать статью из газеты «7 дней» за пятницу 4 марта 1927 года, № 11. Вторая половина содержит рассказ про новые препоны, в частности про «*глупейшее постановление, которым талантливому юноше, человеку с великим будущим, отказали в его естественной просьбе*» быть оставленным при университете. Конец статьи оптимистичен: вот уже год, как Николай Назаров совершенствует свои способности в Ленинграде, куда его вытащил академик Стеклов, и «*на всесоюзном съезде научных работников о нём с гордостью говорят, как о будущем научном светиле*».

Подпись под статьей — Эль-Регистан. (Так же именовался человек, который, в соавторстве с С. Михалковым, стал автором Гимна Советского Союза. Он самый?)

Сохранилась также заметка из какой-то другой газеты, подписанная светилами узбекистанской науки. Начало такое:



Николай Назаров

(портрет принадлежал М. Трусовой)

После тяжёлой и непродолжительной болезни скончался Николай Николаевич Назаров, доктор физико-математических наук, заслуженный деятель науки Узбекской ССР, профессор Среднеазиатского государственного университета и директор Института математики и механики Академии наук УзССР.

Далее — что положено.

Эту заметку, как и посмертно изданный сборник научных статей Коли Назарова, его фотографии, открытки, оттиски его научных статей, даже таинственную прядку волос сберегла в особой папке Мария Дмитриевна Трусова. Среди сохранённых ею бумаг, есть письмецо из Ташкента от Любочки:

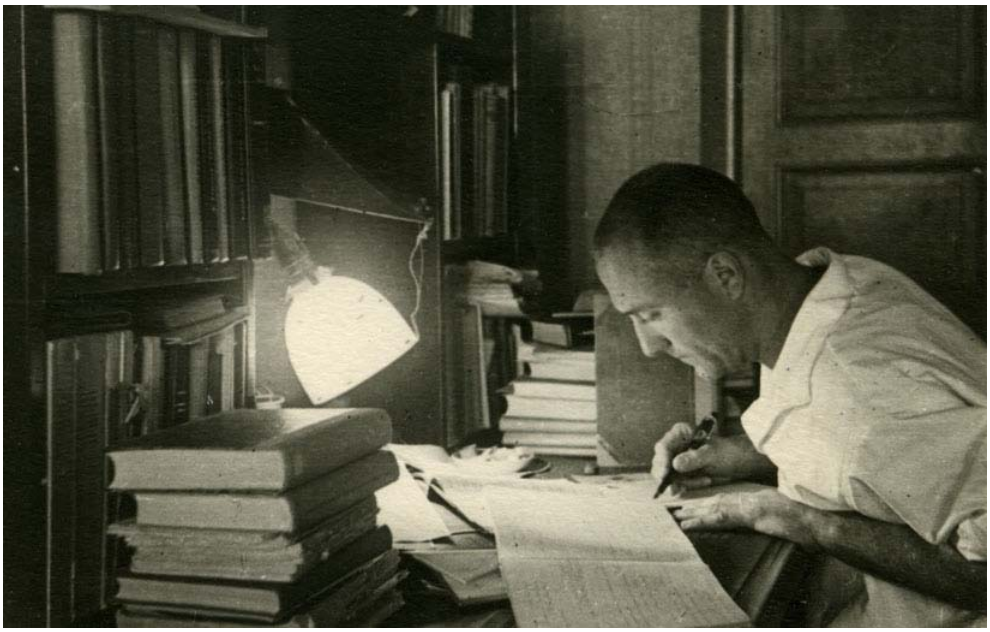
Дорогая Муся, одновременно посылаю письмо и Ирине. В горах Памира от воспаления лёгких умер Коля Назаров. Не могу сейчас всё подробно писать. Приеду и расскажу. Если Аришеньки нет, напиши, где она, или, если она в доме отдыха, поезжай к ней. Это случилось 18-го июля. Катя хотела писать тебе и Ирине, но видимо пока не может. Боже мой, как это всё ужасно. Как много может человек перенести. Мне теперь как-то особенно страшно за своих близких. Вот от Аришеньки нет писем больше недели и тревожно. Да, человек — эгоист. Целую тебя, твоя Л. Павлова.

Н. Назаров,
снимок Василия Шевкина
(Москва, М. Дмитровка, 3, 1947 г.)

Здесь загадочными могут казаться слова «Да, человек — эгоист». Их можно понимать так: эгоистично за целую неделю не послать матери ни письмеца. Но можно и так: безнравственно забавы ради шляться по ледникам, когда у тебя есть мать, для которой ты — единственный свет в окошке.

Сохранившая Колино досье Мария Дмитриевна Трусова не только пронесла до могилы глубокое чувство к двоюродному брату своей одноклассницы, но и оставила миру (ибо безадресно) внятный рассказ об истории своей любви.

Я его звал дядей Колей. Помню, что зимой и летом он спал на террасе с Диком, немецкой овчаркой. Помню большие и твёрдые жёлтые конверты на его идеально упорядоченном рабочем столе. (Только лет через двадцать такие же появились на моём и я узнал, что в них зарубежные коллеги присылают оттиски свежих научных статей.) Что-нибудь дельное припомнить не в силах — дельное было в ту пору не для меня.



*В первом ряду:
Катя Назарова (справа) и Лиза
(24 марта 1902 г.)*

3.4.3. Зинаида Николаевна и русский империализм

Кроме сына Коли, Назаровы вырастили приёмную дочь Зину — дочь тётикатиной подруги Лизы, которая умерла от сыпного тифа. На моей памяти, то есть в 1941–43 годах, Зинаида Николаевна жила с Назаровыми. Возможно, носила их фамилию.

Она была доцентом химфака университета, увлечённо занималась производными фурфурола. Через какое-то время после войны вышла замуж за коллегу-химика Геннадия Фёдоровича Потёмкина, а ещё позже оба покинули Ташкент и доживали свой век в Ростове-на-Дону, где тоже работали на химфаке университета.

Детей Зинаида Николаевна не имела, нам в Москву неизменно присылала к праздникам поздравительные открытки. Свой отъезд из любимого Ташкента кротко, без тени неудовольствия объясняла естественным ходом вещей: должна была освободить место для узбека. Для того, дескать, и трудились, выращивая национальные кадры.

*Коля, Николай Степанович и Зина
Назаровы*

Идея донорства пропитывала воздух русского Ташкента. Я это чувствовал кожей. Всегда вспоминаю тихую Зинаиду Николаевну, когда Советский Союз по дурости, злобе или неинформированности называют империей. Не были мы империей. Империя — это когда метрополия вывозит из колоний больше, чем сама им даёт. Например, США потребляют вдвое больше, чем производят, следовательно, многие регионы мира по факту являются колониями США. Но в Советском Союзе «метрополия» (Великая, Малая и Белая Русь) больше давала иноплемённым территориям, чем брала

у них. Делилась — всем. Так что к моменту развода каждая из союзных республик была щедро наделена всем необходимым для автономного плавания — неслабой индустрией, соцветиями вузов, театров и клиник, академией наук, квалифицированным офицерским корпусом, даже национальным кино. Добавим чиновничий аппарат и навыки государственности. А с чего начинали, к примеру, те же киргиз-кайсацкие орды? Чем мог похвастать приют убогого чухонца? Ну, палисадники были у прибалтов на зависть, георгины-пионы, а что ещё? Что ещё, кто-нибудь может сказать? Дюны? Гроссмейстер Пауль Керес? Чурлёнис — живописец и композитор в одном провинциальном флаконе?

То, что мною названо донорством, мой ташкентский сверстник скульптор А. А. Волков назвал иначе и, возможно, точнее — жертвенностью. В его словах о поколении Зинаиды Николаевны Назаровой нет пафоса, слова лишь констатируют очевидное:

Это были люди удивительной жертвенности и увлечённости — они боролись с чумой и проказой, проектировали и строили каналы, сажали сады в горах, где раньше ничего не было. Они строили первые электростанции, заводы, создавали учебные заведения — от школ до институтов и университетов, консерваторий и художественных училищ. Это были ближайшие родственники и друзья, окружавшие нашу семью, и таких семей в Ташкенте было множество. [20]

Почти уверен, что дореволюционная Россия, если и была империей, то иначе, чем это делалось на Западе. Алгеброй не поверял, но на уровне гармонии нахожу немало благозвучия в суждениях автора либерального журнала «Знамя»:

Российская империя, навеки заклеймённая неблагодарными отпрысками «тюрьмой народов», дала письменность и государственность десяткам племён, таковых не имевших. Ни татары, ни эсты с ливами, ни грузины с армянами, ни казахи с якутами, ни украинцы, ни белорусы — никто не сгинул в неряшливом доме этой загульной, тяжёлой на руку, подверженной эпилептическим припадкам матери-одиночки. Всех вырастила, всех поставила на ноги. А вот теперь пусть благородная Польша предъявит свои свершения на этот счёт. Пусть расскажет, как голубила Украйну с Белоруссией. Пусть европейская Турция покажет своих армян, а европейская Польша — своих евреев. Пусть гордая Грузия вспомнит, как двести лет просилась в состав России — не из любви к русскому царю, а из естественного желания жить — а заодно пусть покажет своих абхазцев. Или такая головоломка: азиатская Россия втихомолку ограничивала выезд евреев, а «родина прав человека» Англия законодательно запретила им въезд (закон 1905 года). Какую из этих двух стран мировое сообщество обвинит в государственном антисемитизме? — Ответ неверный. [21]

Себя автор цитированного текста аттестует так: независимый еврей, гражданин независимой Литвы.

Не напрасно всё-таки говорят, что независимость не доведёт до добра.

Наташа Назарова

3.4.4. Младшие Назаровы

Женой дяди Коли Назарова была статная красавица тётя Лёля, **Полина (Георгиевна?) Зинкина**. Несколько слов о ветви павловского древа, которой дала начало эта пара.

Их дочь **Наташа** на детских фотографиях удивительно похожа на мою внучку, твою, Анюта, дочь Симочку. Наташа на несколько лет младше меня. В моём ташкентском детстве (1941–1943) разница в возрасте не располагала нас с Наташей к тесному общению, но она часто щебетала рядом, играя со сверстницей и подружкой по имени Лорка. Лорка была дочерью ближайшего друга дяди Коли Николая Владимировича Богдановича. Богдановичи жили тогда в назаровском доме.

Уже после нашего отъезда из Ташкента у Назаровых родился сын Коля — **Николай Николаевич Назаров-младший** (7 января 1945 — 22 июня 2004). Он, насколько я знаю, основную часть жизни провёл в Москве. Мы успели немного сблизиться в связи с его 50-летием, когда Анюта и я побывали в гостях у Колиной семьи на Рублёвском шоссе. Это было 8 января 1995 года, я тогда записал с Колиных слов, что его сестра Наташа живёт в Волгограде с мужем (Анников?) и дочерью Алёной (Ольгой, 1957), у которой две дочери от разных, уже выгнанных, мужей — Марина и Полина. Выяснилось, что жену Коли-младшего зовут Надеждой Семёновной, у них две дочери, Ира и Света. Ира была с дочерью Машей, очень живой девицей, а про мужа сказала, что он работает в Курчатовском институте. Света — студентка. Коля и Надя вместе со школьных лет, то есть с Ташкента. Повидали на этом торжестве родню Надежды Семёновны. Её отец, Семён Михайлович, рассказал, что в Ташкенте он был партработником. У Надиной младшей сестры Любы две дочери, старшую зовут Света, младшую — Катя, она тогда училась на 4 курсе мединститута. Ещё младше Нади и Любы их брат Володя (он был с маленькой дочерью Сашей).

Коля сказал, что у него есть биобиблиографическая брошюра об отце (я её не видел).

В январе 2005 года я позвонил поздравить Колю с новой круглой датой — а его нет в живых.

Наташа Назарова

Коля Назаров-младший (11 лет)

3.4.5. Парижская сага

Благодаря Аришиной маме — моей бабушке Любе, урождённой Айзеншер, а также её первому мужу — «дяде Мише» Пустынину на нашем древе появилась отчётливая еврейская ветвь. Я даже хотел озаглавить этот раздел так: «Еврейская родня»; тогда следующий мог бы нести серийное название — «Армянская родня». Не стал этого делать, вспомнив, какую экзотическую эволюцию претерпела кровь лёнечкиного потомства. Какая уж тут еврейская родня!

Настоящей еврейской роднёй были бездетные брат и сестра Любови Сауловны Павловой. О брате, мамином дяде Серже, мне известно намного больше, чем о её тёте Кларе. Я даже ухитрился повидать дядю Сержа в Париже незадолго до его кончины.

Ещё в детстве я слышал от старших, что дядя Серж бежал после революции 1905 года из России с паспортом на имя какого-то Сергея Фотúнского. Так или иначе, его настоящее имя родные и друзья полностью исключили из употребления. Серж — так звался он у нас домашними, в том числе своею родной сестрой. Фóтя — так звали Сержа в компании русских парижан, об этом можно прочитать в письмах и воспоминаниях писателя Ильи Эренбурга. «Приехал Фотя, привёз marc и вонючий сыр в подарок» (10 октября 1927). «Фотя пропадает. Говорят — женится» (3 февраля 1928). Жену Сержа, француженку, в разговорах и письмах называли Лианой, или Лиан, своё собственное письмо она подписала Julia Fotinsky.

Серж

Я сидел, как всегда, в пустой «Ротонде» и бился над переводом сонета Дю Белле, который из Рима взывал к Франции:

Зову, кричу, а толка нет:
Лишь эхо слышу я в ответ
…
Я — тот, что отстаёт от стада

Меня схватил за руку чрезвычайно возбуждённый Фотинский — я не заметил, как он вошёл в кафе. (Художник Серж, или Сергей Фотинский, приехал в Париж задолго до меня. Как все, он голодал, как все, писал пейзажи и свято верил в искусство. Он женился на француженке, но всегда говорил «у нас в России»; получил советский паспорт. Это человек очень добрый и восторженный. В 1935 году он решил съездить в Москву на две недели; прожил в Москве два года; глядел на всё с восторгом и с испугом. В 1941 году немцы его посадили в Компьенский лагерь, случайно не убили. Он живёт в Париже шестьдесят лет, но продолжает говорить: «У нас в Советской России…» Говорит он по-русски своеобразно: «Ты берёшь авион?». Ещё своеобразнее переходит улицу — подымает руку, как бы предупреждая водителей, что машины должны уважать пешехода, вид у него при этом Моисея, останавливающего морские волны).

— Как, ты не знаешь?— кричал Фотинский.— Царя нет!

Я ничего не понял, но обрадовался и обнял Фотинского. На первой странице газеты было напечатано: «Государственный переворот в Петрограде. Николай II отрёкся от престола в пользу своего брата Михаила». «Ну и что? — сказал я Фотинскому. — Чем Михаил лучше

Николая?» Но Фотинского разочаровать трудно: он побежал за другой газетой, и мы нашли маленькую телеграмму: «В Петрограде забастовки, демонстрации». «Это настоящая революция!» — кричал Фотинский; я его снова обнял.

(Из книги И. Эренбурга «Люди, годы, жизнь») [22]

В интернете мне попался на глаза ещё один Сергей Фотинский с датами жизни 1885–1925. Наверно он и был исходным обладателем паспорта, давшего имя нашему родственнику.

Кое-какую информацию о Серже я разыскал во всемирной сети.

Вот справка «Вестника художественных аукционов» [23]:

Фотинский Сергей *(1887–1971). Сергей Фотинский — замечательный русский график, живописец. Настоящее имя* ***Абрам Айзеншер****. До 1903 г. учился в Одесском художественном училище, затем переехал в Петербург, продолжил художественное образование. В 1907 привлекался за революционную деятельность. После 1907 г. эмигрировал в Берлин, с 1908 работает в Париже. Писал пейзажи и портреты, занимался графикой, с 1912 выставлялся в салоне Независимых, с 1920 в Осеннем парижском салоне. Участник выставок русских художников в кафе La Rotonde в 1925 г. и в галерее ZAK в 1930 г. Успешно участвовал в первой русской выставке ремёсел и искусств в Лондоне в 1921, также в выставке русских живописцев и скульпторов в Бруклинском музее Нью-Йорка в 1923; выставке современных русских живописцев в Чикаго; Арт клуб — 1923 г. В 1925 г. — получил серебряную медаль на международной выставке декоративного искусства в Париже. В 1926, 27, 32 гг. провёл персональные выставки в галерее Billiet в Париже. В 1920-е гг. являлся секретарем Союза русских художников во Франции. В 1928 г. совместно с М. Ларионовым организовал выставку современного французского искусства в Москве. В 1935–37 гг. работает в Москве, получил советский паспорт, к началу 40-х опять возвращается во Францию. В 1941 арестован немецкими оккупационными властями и помещён в концентрационный лагерь Компьень. После войны живёт и работает во Франции, где проводит ряд персональных выставок. Представлен во многих музейных и частных коллекциях. Работы С. Фотинского успешно продаются на западных аукционах и в галереях*

Художественный рейтинг 4А — профессиональный художник с творческим потенциалом, имеющий перспективную оценку специалистов.

В этой справке вряд ли всё бесспорно, поэтому имеет смысл сверять её с другими источниками.

Начальные этапы эмиграции Сержа описаны несколько иначе на одном французском сайте (перевёл Петя):

«В 1904 г. Серж Фотинский поступает в Санкт-Петербургскую Академию художеств, но в 1905 г. он эмигрирует в Берлин, а затем в Мюнхен, где работает в Академии. С 1908 г. поселяется в Париже».

(Там же: «Он был другом Дерена, который не раз выражал своё восхищение его искусством». Что за Дерен? Это несложно выяснить.)

Согласно семейной легенде, Серж бежал из России вместе с Ильёй Эренбургом. Совместным побегом мы и объясняли себе их многолетнее общение, чуть ли не дружбу.

Слева направо:

Серж Фотинский; Любовь Михайловна Эренбург; Владимир Германович Лидин, писатель; Илья Григорьевич Эренбург; Альсгута Яковлевна Савич; немецкий синеактёр; Овидий Герцевич Савич, писатель

Общение действительно имело место. И до войны, и в послевоенные годы Эренбург не раз привозил нам от Сержа маленькие подарки. Но совместный побег (да и был ли он?) не мог случиться раньше 1908 года, в котором Эренбург был арестован как участник большевистского подполья (куда его втянул школьный приятель Николай Бухарин) и неосторожно отпущен до суда под залог.

Москва, 1934–1935. Другая очевидная неточность касается дат пребывания Сержа в Москве. Оно не началось в 1935 году. Уже 3 декабря 1934 года в своём письме из Парижа Эренбург выражает беспокойство «о бедняге Фоте».

Комментарий литературоведа Б. Фрезинского: *«Художник Серж Фотинский, приехавший в 1934 г. навестить родственников в СССР, был неожиданно задержан в Москве — потребовалось очень много энергичных и длительных усилий (в частности Ильи Эренбурга), чтобы его отпустили во Францию»*. [24]

Здесь «родственники» это мы. Мне кажется, Серж тогда и жил у нас, но это нетвёрдо. В память о его пребывании остались три больших портрета, выполненных в сангине, — Аришин, мой и наш с нею двойной.

Далее в семи письмах в Москву (номера 127–133, вплоть до апреля 1935-го) Эренбург выражает растущее беспокойство за Фотю и за собственную дочь Ирину, которую тоже не выпускали. Возможно, помогла жалоба Бухарину. **Николай Иванович Бухарин** (1988–1938), некогда главный соперник Сталина за ленинское наследие, к 1935 году во многом растерял своё влияние, но всё же ещё не был физически уничтожен и в феврале 1934-го даже стал главным редактором «Известий». Не знаю, с помощью Бухарина или нет, но Сержа выпустили.

От Сержа:

Дорогие Ирина, Антон и Митя! Вы удивлены? Верьте мне, что я собираюсь каждый день писать вам «большое письмо», но решил написать открытку, так быстрее будет. Иринушка, зайди в отель «Метрополь», там живёт Любовь Михайловна Эренбург, она передаст тебе привет от меня и подарочки. Она скоро уезжает в Париж. У меня много есть чего рассказать, только что приехал из Лиона, где был занят организацией нашей выставки и ликвидацией, сейчас работаю с Иофаном в нашем павильоне на парижской выставке. Я всё время в контакте с нашими здесь. Напишу больше в следующий раз. Целую вас всех. Как Митяйка? Привет Пустынину, пусть не сердится. И Любочке тоже.

Архитектор Б. М. Иофан — автор «нашего», то есть советского павильона на Всемирной Парижской выставке 1937 года. Парижанин Серж неизменно считал себя нашим.

Концлагерь. С 14 июня 1940 года Париж был оккупирован немцами, и Серж, счастливо избежавший ареста в Москве, загремел в фашистский концлагерь как советский подданный. По счастью, не как еврей Айзеншер — евреев из Компьена грузили в эшелоны и отправляли прямиком в лагеря смерти. Чужой паспорт пригодился ещё раз.

Обширная коллекция документов о Компьенском концлагере хранится в библиотеке Казанского университета. Результаты их обработки Светланой Малышевой можно найти на израильском сайте, посвящённом евреям русского зарубежья. Даю несколько выдержек.

Ранним утром 22 июня 1941 года, когда отсчитывала первые часы война фашистской Германии против Советского Союза, в Париже и его пригородах прошли аресты российских эмигрантов. В этот день, по разным сведениям, было арестовано от нескольких сотен до тысячи бывших российских подданных… В основном это были представители творческой и научной интеллигенции, политические и общественные деятели эмиграции. Такой отбор кандидатов для заключения в концентрационный лагерь наводил современников на мысль о существовании заранее заготовленных списков… Арестованных увезли в созданный недалеко от Парижа «Фронт-Сталаг 122» — концлагерь в городе Компьень. Там, где когда-то была поставлена точка в Первой мировой войне, для многих эмигрантов из России начался скорбный путь через горнило Второй мировой войны.

В жаркие и тревожные дни лета 1941 года за колючей проволокой «Сталага 122» появились на свет интереснейшие человеческие

документы — самодельные «грамоты», которыми эмигранты наградили своего товарища по заключению…

(Далее следует рассказ о профессоре Сорбонны Д. М. Одинце — «*адресате этих посланий, благодаря которому «грамоты» дошли до наших дней, проделав долгий и непростой путь из лагеря в Компьене до берегов Волги*».)

…На второй «грамоте» — от 4 августа 1941 года, — расписались 158 компьеньских узников, причем большинство указали и свои лагерные номера. Уникален рисунок на этой «грамоте» — цветной карандашный обзорный вид «Сталага 122». Это, как явствует из подписи, один из рисунков известного художника, графика, члена Ассоциации революционных писателей и художников, возглавлявшейся Р. Ролланом и П. Вайян-Кутюрье, — Сергея Фотинского. Другие его работы на темы концлагеря, французского Сопротивления хранятся в Музее живой истории в Монтре.

О послевоенной жизни Сержа можно немного судить по его письмам Эренбургу (письма Эренбурга Сержу не сохранились). Исследователь Эренбурга Борис Фрезинский перепечатал для меня шесть писем, хранящихся в центральном литературном архиве (ЦГАЛИ); самое раннее (?) из них датировано 6 октября 1960 года. Они довольно однообразны:

«…Мы работали всё лето — я писал, занимался живописью, а Лиана делала ковры (по моим рисункам)»

«…Мы с Лианой думаем уехать в деревню 15 мая и быть до 15 октября. Но если ты приедешь в это время в Париж, я возвращусь в Париж, чтоб повидаться… Здоровье моё благополучно. С глазами не ухудшается, процесс остановился. Я работаю, т. е. занимаюсь живописью. Думаю устроить свою выставку».

«Дорогой Эренбург, Люсен едет в Лондон на два дня, я воспользовался этим случаем, чтоб он тебя обнял за меня. Передай ему, если знаешь, как поживают мои родные. На днях уезжаем в деревню в «Perogord» на два месяца, надеюсь, что вакансы не будут прерваны, как в 1939».

«Дорогой Эренбург! Я был очень рад, получив от тебя письмо. Глупо и досадно, что мы не могли встретиться… Живу как всегда, работаю, выставляюсь иногда, но иногда, читая газеты или слушая радио, начинаю беспокоиться, не зная, чем всё это кончится. А кто знает? …Передай Любе, что я совершенно отошёл от импрессионизма и приблизился к neoexpressionizmy. Когда устрою выставку, пришлю вам каталог…»

Серж Фотинский

Здесь «деревня» — это, как подсказывает моя память, небольшая ферма, которая ещё до войны досталась им (видимо, Лиане) в наследство и на ренту с которой они жили. Картины

по-видимому продавались плохо.

Теперь, напротив, работы Аришиного дяди Сержа успешно продаются на аукционах и в галереях. Свидетельств тому немало в интернете и не только. К примеру, в «Независимой газете» летом 2004 мелькнуло сообщение «*Один из топ-лотов аукциона принадлежит кисти Сергея Фотинского (Абрам Айзеншер). …На аукционе 28 августа будет представлена его работа «Большие бульвары» (бум./гуашь; 150 х 110). Эстимейт лота составил 20–30 тыс. долл.*».

Большие бульвары. Расскажу о своём визите к Сержу в Париже в августе 1970-го (?) года.

Одним из изобретений отдела науки ЦК был научный туризм. Мировая наука такого понятия не знала, у них на профессиональные конгрессы и конференции каждый ездил сам по себе. У нас же — исключительно группой. Попасть в группу было непросто. Сначала кто-то из руководителей института брал на себя за тебя ответственность, потом в райкоме партии тебе, беспартийному, задавали коварные вопросы, дело продолжалось на Старой площади, где тебе давали понять, что содержание твоих личных писем не секрет для Центрального комитета и лично для проводящего с тобой задушевную беседу. У меня было весьма чистое досье: не еврей, не подписант, покойный отец перед выходом на пенсию преподавал хоть и географию, но зато в Московской партийной школе. И вот я включён в группу, состоящую из докладчиков на международной конференции по сравнительной эндокринологии. Конференция в Монпелье, но в программу группы включены три дня в Париже — туризм же всё-таки, за собственные денежки.

В аэропорту вдруг выясняется, что не может лететь сотрудник органов. А такого обязательно прикрепляли к каждой группе «научных туристов», при том группа была обязана скинуться и оплатить билет и прочие расходы своего надсмотрщика. Общее уныние — Франция отменяется. И вдруг нам не только разрешают лететь безнадзорно, но и возвращают потраченное на искусствоведа в штатском (так их тогда называли).

Париж. Каждый гуляет где и сколько хочет. Я хожу по городу один, ночи провожу не в гостинице, а на прогретых ступенях холма, на котором разномастная молодёжь поёт под гитару.

Но прежде всего отправляюсь на Большие Бульвары искать Сержа.

Нахожу дом. Консьержка удивлена, но впускает. Лифта нет. Иду, иду, иду, наконец на самой верхотуре нахожу нужную дверь. Стучу, никто не открывает. Стучу второй, третий раз. Дверь не открывают, но за ней слышны слабые звуки. Сажусь на ступеньку обдумать ситуацию.

На этаже по-видимому обитают негры. Тут же на площадке общественный нужник, негры иногда в него заглядывают. Заглядываю и я. Ничего себе. Такому место не на Больших Бульварах, где живут Большие Художники, а где-нибудь на автостанции в Кашкадарьинской степи, — дырка в полу и два возвышеньица над полом, куда ставить ноги. Всё это несколько неожиданно.

Старушка с сумкой тяжело завершает подъем и направляется к интересующей меня двери. Я к старушке: «Серж Фотинский?»

Улыбается.

Небольшая низкая комната с одним окном, в постели лежит старик, слева от двери занавеской полуотгорожено что-то вроде кухоньки.

Пытаюсь объясниться. Они не знают английского, я французского, русский почти полностью забыт, но Серж явно старается меня понять. «Люба!

Люба! Ваша сестра!» Да, он помнит, что-то было. «Ирина — Любина дочь! Ирина моя мать, я Митя!» — Смотрит полувопросительно.

«Вы больны?»

Долго собирается с ответом, потом вдруг на чётком русском: «Нет, просто старость».

Лавка рядом с домом Сержа,
бульвар Порт Ройяль, Париж

Дом Сержа,
бульвар Порт Ройяль, д. 91, Париж

Музея недостойны. Насколько я помню, о кончине Сержа нас известила вдова. Сохранилось её более позднее письмо, в котором Лиана благодарит бабушку Аришу за сочувствие и обсуждает будущее картин Сержа, оставшихся ей в наследство. Письмо на французском, чёткий почерк человека, контролирующего всё пространство листа. Есть и перевод, верен ли он и кто его сделал — не знаю.

Париж 24/4/73
Дорогая Ирен

Я была очень рада получить ваше письмо и очень тронута доброй памятью о Серже, которую вы сохранили со времени его приезда в Москву.

По поводу картин — в принципе я ничего не имею против вашего замысла и была бы очень рада, если Сержу и его большому таланту воздадут честь. Но нужно выяснить, найдут ли эти картины достойными музея. Так что это зависит не от меня, и я думаю, что лучшим решением было бы показать его произведения культурному атташе <советского> посольства во Франции, чтобы он высказал своё мнение. Что вы об этом думаете?

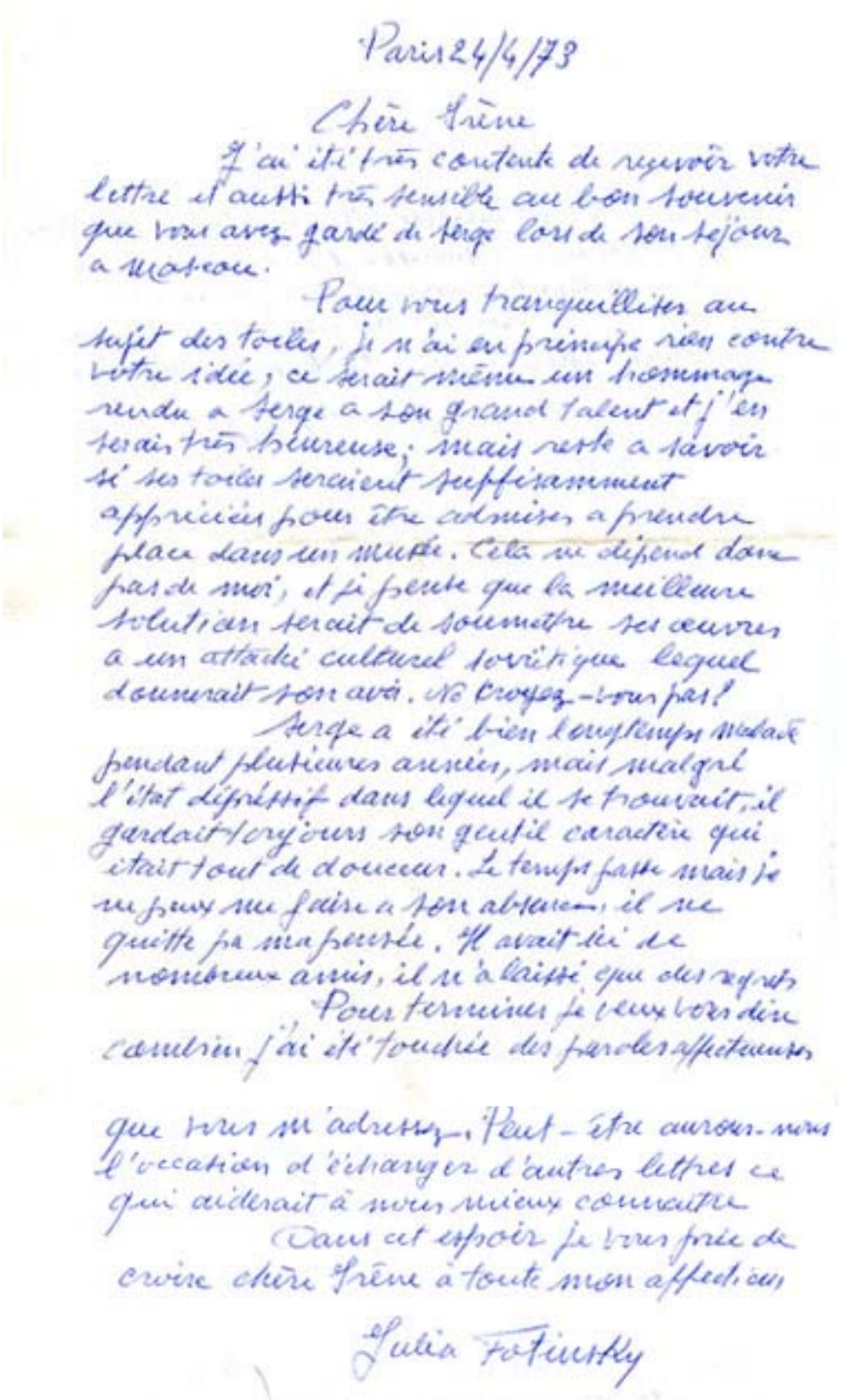
Серж болел долгие годы, но несмотря на подавленное состояние, в котором он находился, он неизменно сохранял свой милый характер и свою обычную мягкость. У него было много друзей, и он оставил по себе самую тёплую память. <…>

Может быть, у нас будет случай написать друг другу и лучше познакомиться.

А пока прошу вас, дорогая Ирен, верить в мою искреннюю симпатию.
Julia Fotinsky
На конверте*: 91 Bd de Port-Royal, Paris 75013.*

Вскоре откуда-то нам стало известно, что Лиана тоже скончалась и что наше посольство отказалось принять картины художника Фотинского в дар Советскому Союзу.

Письмо Лианы Фотинской,
бульвар Порт Ройяль, д. 91, Париж,
24 апреля 1973 г.



Paris 24/4/73

Chère Irène

J'ai été très contente de recevoir votre lettre et aussi très sensible au bon souvenir que vous avez gardé de Serge lors de son séjour à Moscou.

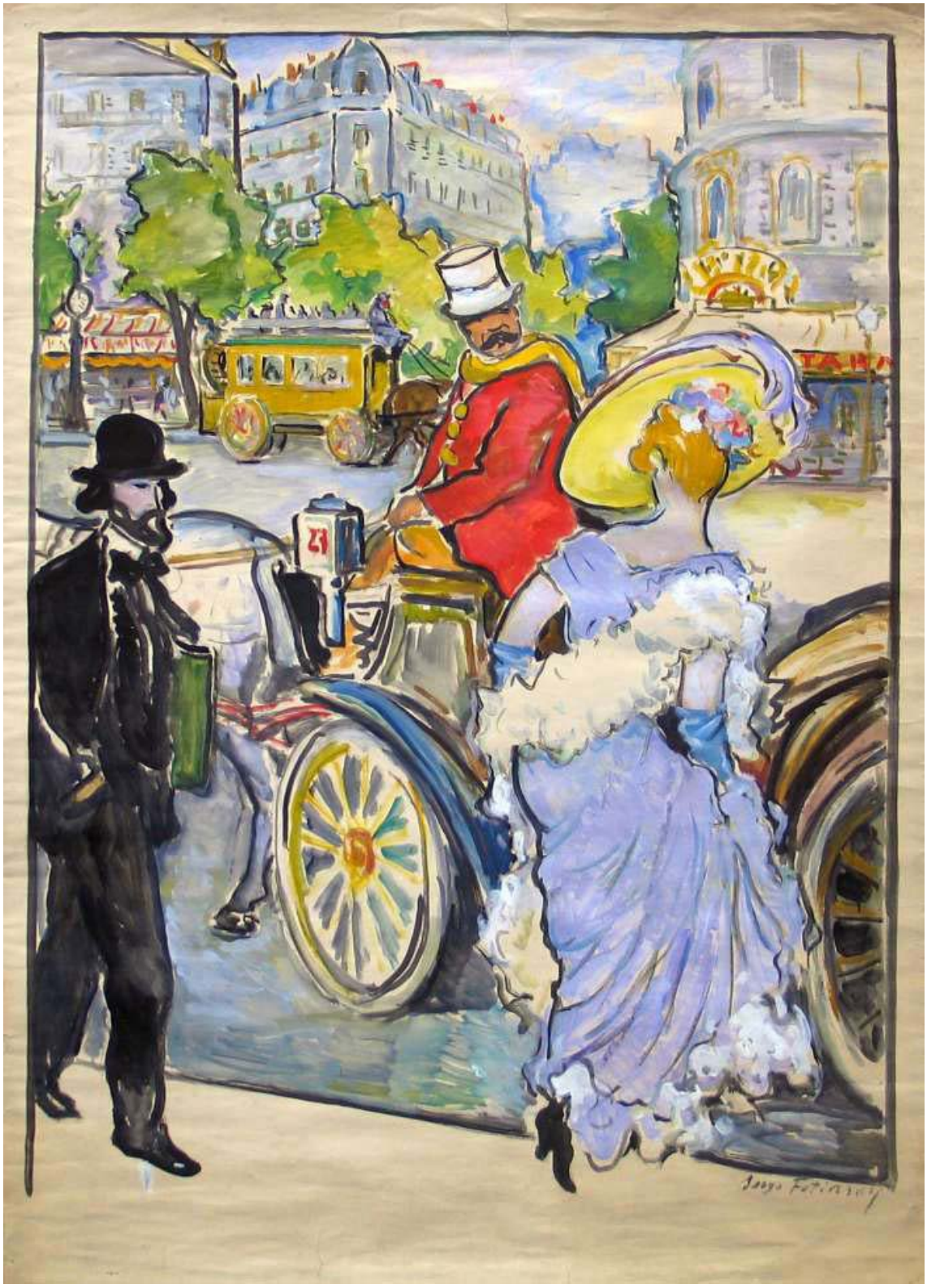
Pour vous tranquilliser au sujet des toiles, je n'ai en principe rien contre votre idée ; ce serait même un hommage rendu à Serge à son grand talent et j'en serais très heureuse ; mais reste à savoir si ses toiles seraient suffisamment appréciées pour être admises à prendre place dans un musée. Cela ne dépend donc pas de moi, et je pense que la meilleure solution serait de soumettre ses œuvres à un attaché culturel soviétique lequel donnerait son avis. Ne croyez-vous pas ?

Serge a été bien longtemps malade pendant plusieurs années, mais malgré l'état déplorable dans lequel il se trouvait, il gardait toujours son gentil caractère qui était tout de douceur. Le temps passe mais je ne puis me faire à son absence, il ne quitte pas ma pensée. Il avait été de nombreux amis, il n'a laissé que des regrets.

Pour terminer je veux vous dire combien j'ai été touchée des paroles affectueuses que vous m'adressez. Peut-être aurons-nous l'occasion d'échanger d'autres lettres ce qui aiderait à nous mieux connaître.

Dans cet espoir je vous prie de croire chère Irène à toute mon affection

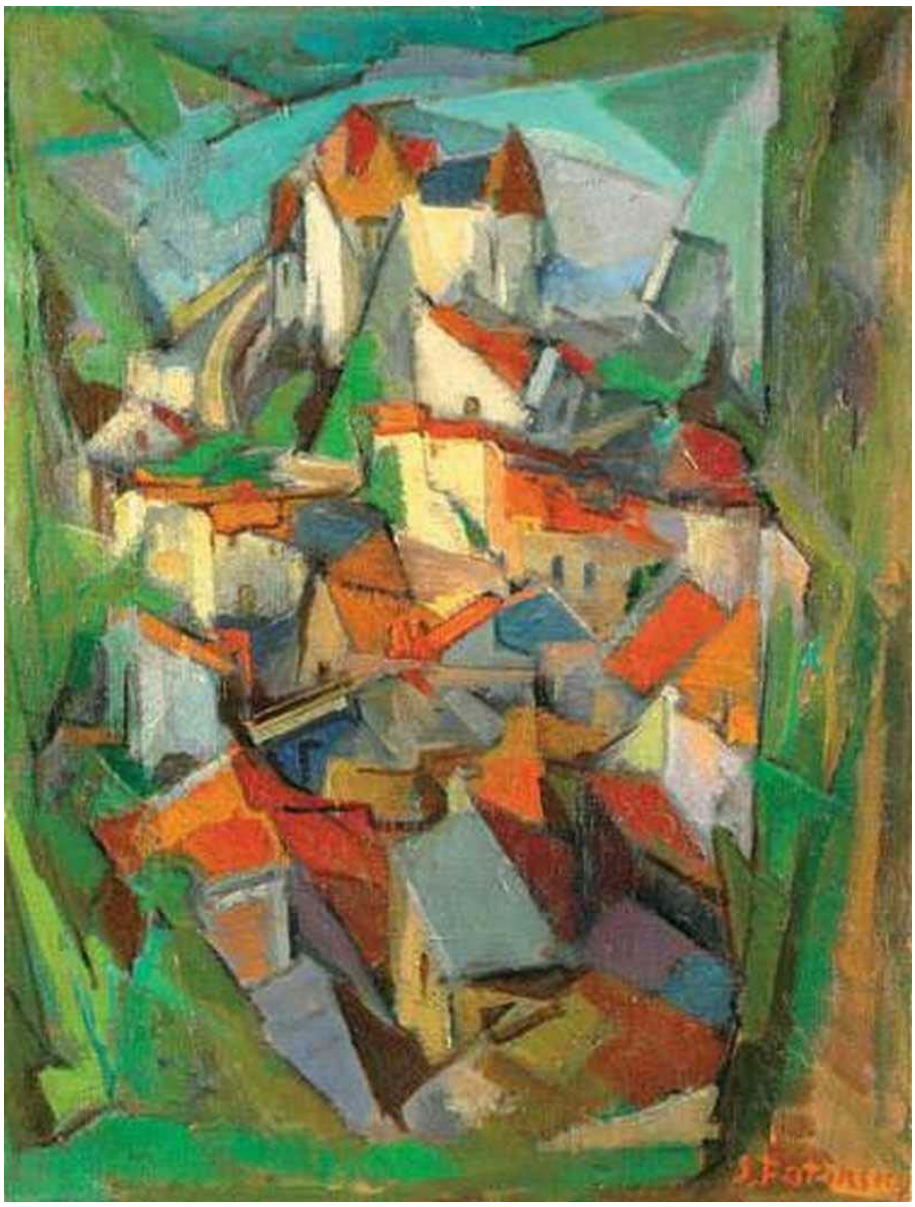
Liana Fotinsky



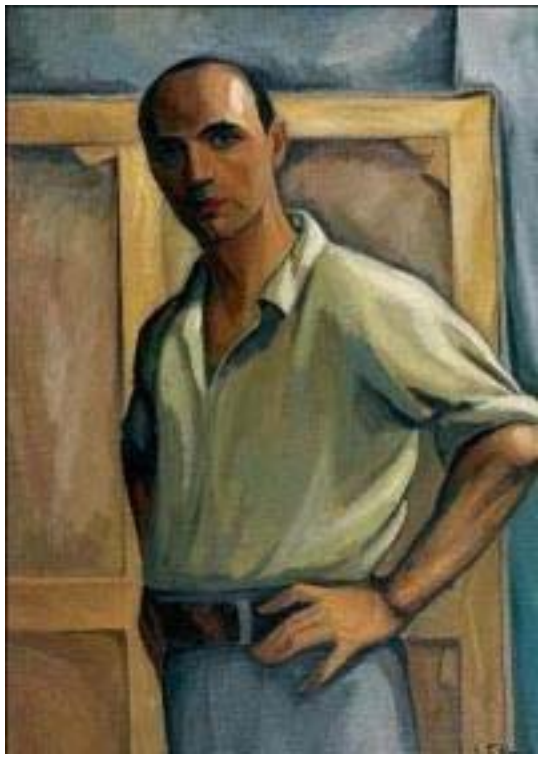
С. Фотинский
Большие бульвары
Бумага, гуашь. 149 х 119

(Один из хитов аукциона «Гелос»)

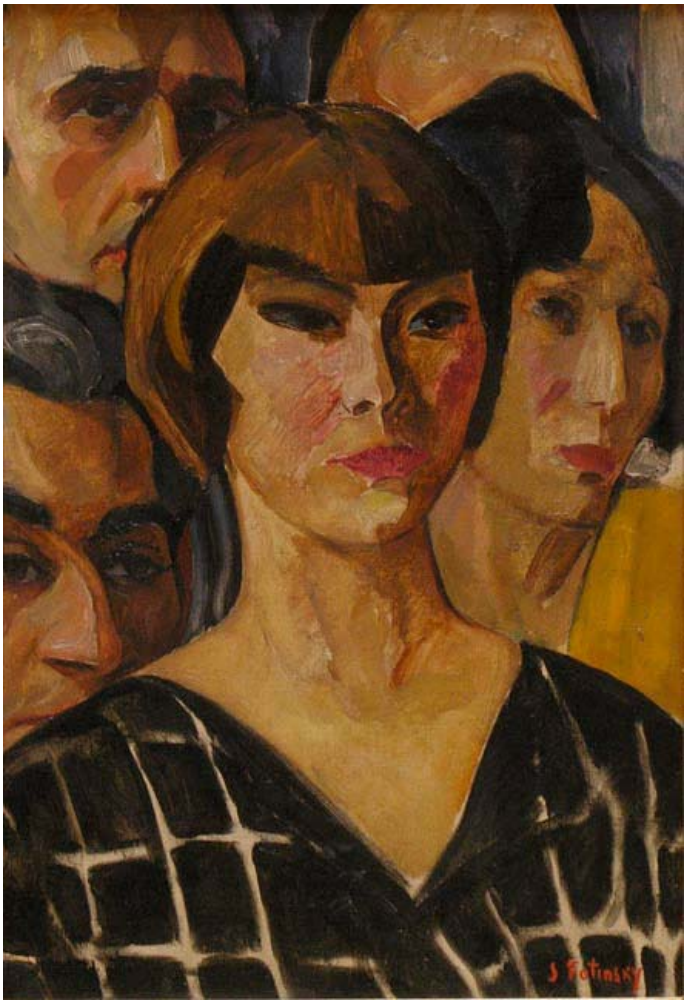
С. Фотинский
Vue de Doelan
Холст, масло. 56,5 х 65



С. Фотинский
Город. 1930-е гг
Холст, масло. 61 х 46

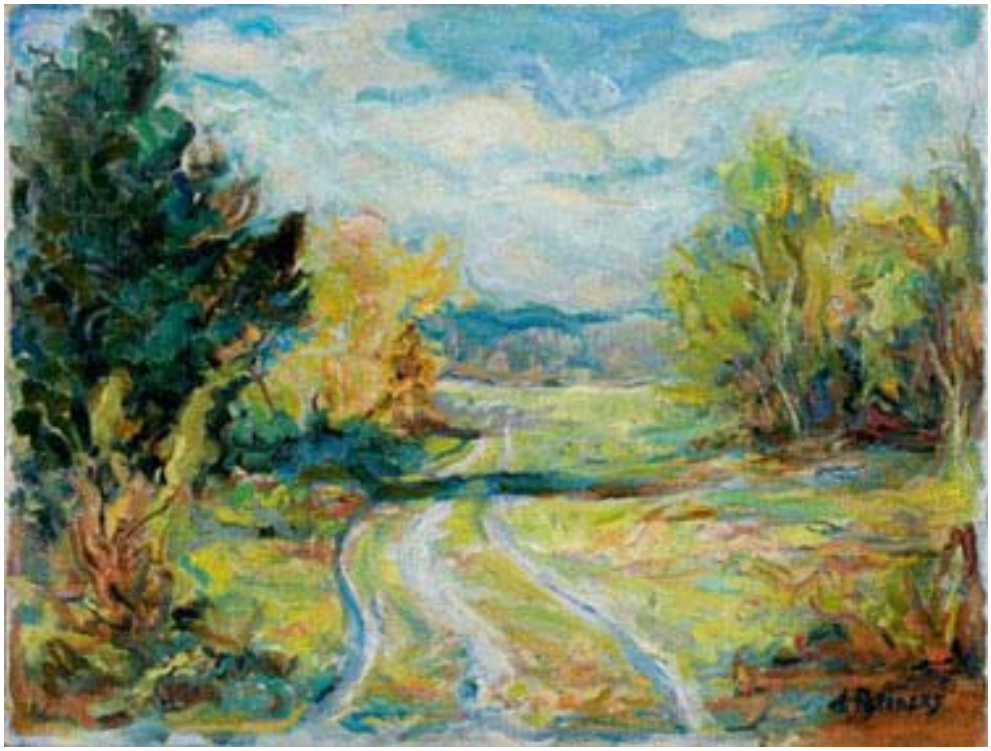


С. Фотинский
Автопортрет
Холст, масло. 96 х 65

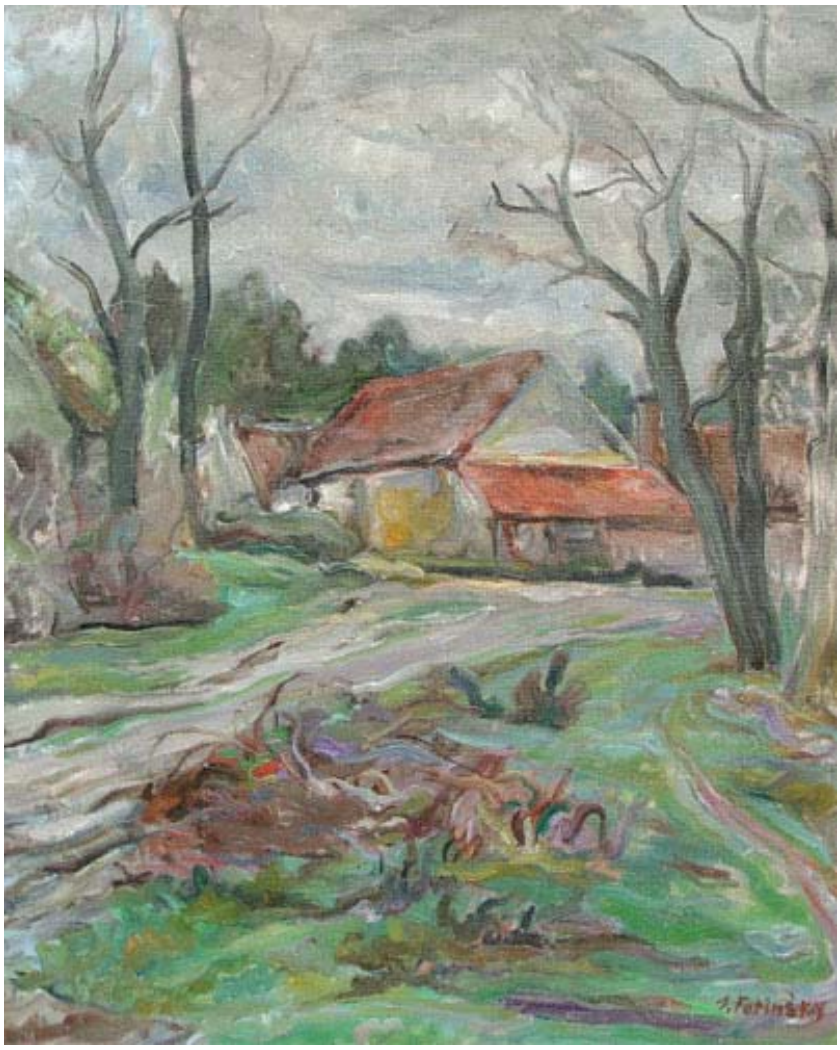


С. Фотинский
Зрители
Холст, масло. 53 х 37

С. Фотинский
Пейзаж с мостом
Бумага, акварель. 50 х 35



С. Фотинский
Пейзаж с дорогой
Холст, масло. 46 х 61



С. Фотинский
Пейзаж. 1920-е гг.
Холст, масло. 65 х 54

3.4.6. Пустынин

Первого мужа моей бабушки Любы у нас в семье все называли «дядя Миша» или просто Пустынин. Дядя Миша не производил впечатления человека, имевшего обиду на чету Павловых. Все остались друзьями, даже родственниками. Живя, как и мы, в Москве, дядя Миша и до и после войны нередко бывал у нас на Малой Дмитровке в гостях — приходил на дни рождения, одаривал поздравительными стихами, был толстым и уютным.

Михаил Яковлевич Пустынин, Любовь Сауловна Павлова, Анна Григорьевна Красовская, Нина Рыжова

Сходня, Подмосковье

Слева: Михаил Пустынин (Розенблат) с женой, которая позже стала Любочкой Павловой

Если бабушка Люба приезжала к нам в Москву погостить, она, взяв меня, любила съездить в гости к дяде Мише на дальнюю окраину города, где теперь метро «Студенческая». Там на Можайском шоссе (теперь это Кутузовский проспект) дядя Миша и его жена Полина Борисовна занимали одну из комнат светлой двухкомнатной коммуналки в новом доме.

По моим детским впечатлениям, больше всего на свете дядя Миша уважал поесть. Полина Борисовна, которую наши, относясь к ней с внешней лояльностью, недолюбливали за якобы глупость, имела кулинарную специализацию: она нигде не работала (что было большой редкостью в пред-, после- и просто военное время) и занималась только кормлением дяди Миши.

После Любочки и до Полины Борисовны у дяди Миши была ещё одна жена (одна ли?), родившая ему дочь, о которой я не помню ничего, кроме того, что она была замужем за писателем из литературного начальства по фамилии, если не ошибаюсь, Корольков.

Трудный период войны оба любочкиных мужа, как я уже говорил, прожили рядышком, дверь в дверь, так что Лёнечка наконец-то получил теоретическую возможность сблизиться с отцом. Мне не кажется, что

Лёнечка этой возможностью воспользовался — его отношение к Пустынину было добрым, но своим родным отцом Лёнечка по справедливости считал всё-таки Володю.

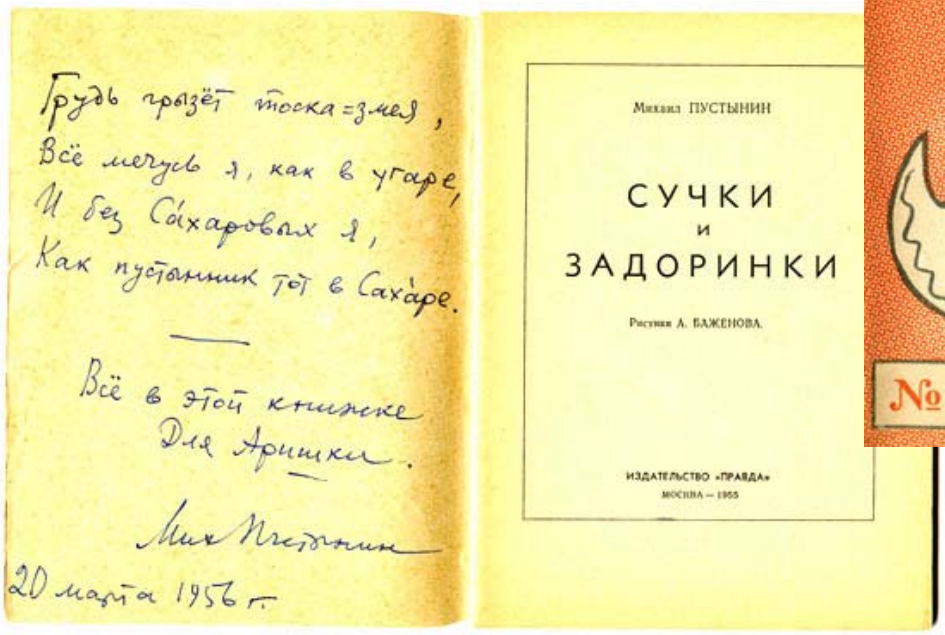
В евтушенковской антологии «Строфы века» [25] помещено пустынинское стихотворение 1915 года о свирепствах цензуры, а про самого дядю Мишу написано так:

МИХАИЛ ПУСТЫНИН
1884, Одесса — 1966, Москва
Подлинная фамилия — М. Я. Розенблат; печатался также под псевдонимами: Дарвалдай, Недотыкомка, Такой-Сякой и др. Родился в Одессе, с 1905 года жил в Петербурге. После революции печатался в окнах РОСТА; последнюю книгу «Сучки и задоринки» издал в 1955 году. Вспомнил ли автор своё юношеское стихотворение о цензуре дореволюционной, после того как его взяла за глотку цензура «революционная»?!

Больше деталей даёт «Краткая литературная энциклопедия» (том 6) [26]:

Пустынин Михаил Яковлевич (20 ноября (2 декабря) 1884, Одесса — 25 января 1966, Москва) — рус. сов. поэт. Выступил в 1905 в журн. «Сигнал», выходившим под ред. К. И. Чуковского, и в др. изданиях с фельетонами, баснями, эпиграммами, направленными против самодержавия. В дореволюционные годы сотрудничал также в «Сатириконе», «Новом Сатириконе» и др. Был одним из организаторов и авторов первого в стране Театра революционной сатиры в Витебске (1921), сотрудничал в журн. «Красный перец», «Смехач», «Чудак» и др. Работал вместе с В. В. Маяковским в «Окнах Роста», с Д. Бедным в «Крокодиле», в мастерской агитплаката. Лучшие произв. П. вошли в сб. «Сучки и задоринки» (1955). Для П., к-рого Светлов назвал «солдатом сатиры», характерны разнообразие жанров, актуальность, острота сатирич. миниатюр.
Соч.: В гостях у дедушки Крылова. П. 1914.

Дальше перечислены несколько газетных заметок, посвящённых дяде Мише, в том числе некролог в «Литературной газете» от 27 января 1966 года.



ИСТОРИЯ О ПЕРЕДЕЛКАХ ПИСАТЕЛЯ, БЫВАВШЕГО В ПЕРЕДЕЛКАХ

Сегодня — праздник для газет!
Талант, действительно, на совесть!
И шум и звон: писатель Зет
В журнале напечатал повесть!

Писатель в славе, как в раю...
Нужду былую шлёт он к бесу,
И повесть новую свою
Он переделывает в пьесу.

Идёт он вверх, покинув «дно»...
И вот, в мечтах о гонораре,
Из новой пьесы для кино
Он срочно делает сценарий.

Но мало этого ему:
«Нет. Я ловчила, а не шляпа!»
Он жаждет мзды и посему
Из фильма оперу состряпал.

Писатель славой упоён...
Все говорят: «Везет же Зету!»
И оперу в два счёта он
Переработал в оперетту.

Остановиться, может? Нет!
Писатель в путь пустился снова:
Из оперетты он балет
Задумал сделать для Большого.

Писатель, не жалея сил,
Мудрил, творил неутомимо —
И свой балет перекроил
Он в цирковую пантомиму.

Да, нынче Зета полоса!
В глазах — восторг, в душе — горенье.
Он ловко сделал в полчаса
Из пантомимы обозренье.

У Зета пир, а не житьё!
Дошёл он в славе до предела,
И обозрение своё
Он снова... в повесть переделал!

Остановиться, может? Нет!
Знать, слава Зета закачала...
И снова... пьесу пишет Зет...
Читатель! Начинай сначала!..

Страницы из книги М. Пустынина «Сучки и задоринки»

Шарж И. Игина на писателей сатириков
Слева за столом — Михаил Пустынин
(Из газеты, 1954 г.)

3.4.7. Мы ещё и одесситы

Благодаря Любочке, вернее, благодаря её еврейским родителям, мы с вами немного одесситы. Это здорово — Одесса знаменита талантами. Пустынин тоже одессит. В рассказе бабушки Ариши, записанном мной 8 сентября 1985 года, одесская часть истории выглядит так:

Любочка вышла замуж за Пустынина в Одессе, Лёнечка мог родиться в Одессе (это, скорее всего, ошибка), *потом Пустынин, Любочка, Лёня и с ними тётя Клара (она была младше, старшим из всех был Серж) переехали в Петербург и там на бегах дядя Миша познакомился с Володей, которого потом привёл в дом, и они (Володя и Любочка) влюбились друг в друга. Клара в это время жила с ними, а Белла Михелевна оставалась в Одессе.*

Клара (справа) с подругой Наташей (Петербург)

М. Пустынин

Это начало прошлого столетия. На моей памяти **Клара Сауловна** и её матушка **Белла Михелевна** (моя прабабка, ваша прапрабабка) жили уже в Москве, где-то на Смоленском, если не ошибаюсь, бульваре. Эта память относится к каким-то глубоко довоенным годам, то есть наверно к середине 30-х.

С Кларой Сауловной связано неприятное для всех нас обстоятельство: она болела шизофренией. Хочется надеяться, что Любочка не была носительницей этой генетической угрозы.

Сохранились фотографии усатого господина, галстук бабочкой, на обратной стороне бабушка Ариша написала, что это муж тёти Клары **Самуил Давыдович Данишевский**, меньшевик, и что умер он в Ташкенте от холеры в 1921 году. Действительно, Клара Сауловна какое-то время жила в Ташкенте.

Самуил Давыдович Данишевский

Белла Михелевна Айзеншер (Одесса)

Белла Михелевна, Клара и Любочка

О **Сауле Айзеншере,** своём одесском деде, бабушка Ариша могла сказать немного, и то с чьих-то слов. Выходило, что Саул был мелкий портной, но может быть и сапожник. В Одессе у Беллы Михелевны была очень богатая сестра — то ли был богатый брат у Саула, о нравах богатых родственников свидетельствовал сохранившийся в поколениях рассказ: когда дети болели, Белла Михелевна пошла к родным одолжить денег, а те взяли в залог золотое кольцо — единственную дорогую вещь семьи.

Евреи составляли существенную часть населения Одессы, которая была как бы столицей еврейской России. Некоторое представление о еврействе этого замечательного города, принявшего участие в формировании нашего семейного генофонда, дадут извлечения из статьи «Одесса», помещённой в 6-м томе «Краткой еврейской энциклопедии» [27].

Статья сообщает, что исходно это была турецкая крепость Хаджибей и что к моменту взятия крепости русскими войсками в 1789 году в ней, как ни удивительно, уже проживало 6 евреев. Когда в 1795 году поселение переименовали в Одессу, там жило на 240 евреев больше. Засим последовало массовое переселение евреев в Одессу, в том числе из Германии и Галиции, так что в середине 1840-х они составляли 20% населения — около 12 000, в 1855 — 17 000. Основным занятием одесских евреев была торговля зерном, помимо торговли, многие занимались ремёслами. С 1826 года работала еврейская школа. Евреи обучались и в государственных учебных заведениях, в частности в гимназиях.

По сравнению с другими городами черты оседлости в Одессе проживало больше евреев — лиц свободных профессий… у которых сложились хорошие отношения с представителями русского образованного общества и которым покровительствовала высшая администрация города. М. Воронцов и А. Строганов были единственными из губернаторов черты осёдлости, ходатайствовавшими об улучшении положения

еврейского населения. Особенно покровительствовал евреям выдающийся русский хирург, попечитель Одесского учебного округа в 1856–58 Н. Пирогов.

Одесса была первым из городов России, в котором евреи подверглись погромам (1821, 1859), их основными участниками были местные греки и матросы греческих судов. Погромы были вызваны торгово-экономической конкуренцией греческого и еврейского населения.

Погромы с участием русского и украинского населения произошли в 1871, 1881 и 1886, в еврейской самообороне участвовали студенты Новороссийского университета. По мере усиления антисемитизма росли палестинофильские и сионистские настроения.

В 1887 власти ввели процентную норму, и число учащихся в средних школах Одесского учебного округа сократилось почти вдвое. Без процентной нормы принимали в императорское музыкальное училище и в императорское художественное училище.

У нас сохранился большой коллективный фотопортрет учеников и преподавателей этого художественного училища. Там с краешку и юный Серж.

Серж среди учеников и преподавателей Школы рисования и черчения (Одесса, начало 1900-х)

18–20 октября 1905 в Одессе произошёл самый кровавый погром за всю историю города: было убито около 400 евреев, 50 тыс. остались без крова. …Были случаи, когда евреев, пытавшихся бежать, убивали в поездах или топили в море. …Местное отделение Союза русского народа почти безраздельно господствовало в городе. Вооружённые банды черносотенцев преследовали и избивали евреев.

Заметим, что Пустынин жил в Петербурге как раз с 1905 года. Бежал от погромов? И Любочка, и Клара, и Серж?

3.4.8. Армянская родня

В нашей родне обильно представлена армянская кровь, восходящая к лёнечкиной жене «тёте Васе» — Варсеник(е) Ованесовне Аракелянц. Аракелянцы были земляками вашего деда Антона по Андижану.

В 2004 или 2005 году племянник тёти Васи, мой почти что сверстник (он на год или два старше) Эдуард Абрамович Самвелов (Эдик) рассказал мне, что у его деда до революции имелось в Андижане что-то по хлопку — то ли цех, то ли завод. Бабушка Софья Аветовна (я её знал!) родила шестерых детей, буду называть их так, как звали мы, дети, в войну: тётя Римма (1900); тётя Ганя (Гаянэ, 1902); тётя Сарра (Сатени́к, 1905); дядя Арам (1907); тётя Вася (Варсени́к, 1908); дядя Сократ (1919).

Софья Аветовна с внучкой Джанной (Ташкент, ноябрь, 1935 г.)

В период ташкентской эвакуации 1941–43 годов я постоянно видел сестёр тёти Васи и их детей и уже тогда питал к этому Эдику самые тёплые чувства. Его мать Сарра Ованесовна Самвелова пользовалась особым почтением у окружающих и родни. После войны она и Эдик жили в Москве, Сарра Ованесовна заведовала отделом Московской городской санэпидстанции. Была тётя Сарра рассудительна, компетентна — да и просто симпатична, с ней все обо всём советовались, мы тоже. Например, это по её совету 9 мая 1972 года, когда тебе, Анюта, приспичило явиться на свет, я повёз твою маму в родильный дом на Шабловке, где, по словам Сарры Ованесовны,

не было стафилококковой заразы. Маме тогда чуть было не пришлось рожать в такси, потому что в честь Дня Победы на Садовом кольце были устроены эстафетные бега; но схватки явились сильным аргументом, так что нам всё-таки разрешили пересечь кольцо.

По словам Эдика, Сарра Ованесовна родилась в Коканде, а скончалась в Москве в 1993 году в возрасте 87 лет. Её муж Абрам Арутюнович Самвелов был, как многие, уничтожен в 1938 году, так что Эдик вырос «сыном врага народа». Он закончил Тимирязевку, работал четыре года по распределению в Ярославской области, потом 14 лет в Московской — директором совхоза Рогачёвский. Оттуда его забрали в Москву начальником областного управления хлебопродуктов. С 1990 года на пенсии. Полный набор наград, даже Орден Ленина. Дача на Сенеже. Две дочери, внук.

Из своих кузенов и кузин, каковых, я думаю, немало, Эдуард Абрамович помянул только дочь дяди Арама Илону — и то потому, что она вышла замуж за канадца и живёт в Канаде. Во как.

3.2.9. Никого

Я неизбежно вернусь к Ташкенту в следующем, сахаровском разделе, когда речь пойдёт о бабушкином замужестве. У Сахаровых долгой ташкентской истории уже не будет. Но какова ташкентская сага Павловых! Пересчитаем поколения: 1) Карташевский; 2) его дочь Елизавета; 3) трое её детей, в том числе ваш прадед Владимир Алексеевич Павлов; 4) дети этих детей, в том числе ваша бабушка Ариша; 5) дети обоих братьев бабушки Ариши — единоутробного брата Лёни и двоюродного Коли; 6) четверо Лёниных внучек и внуков. Все пожили в Ташкенте! Шутка ли — шесть поколений.

И ни человечка не осталось. Ни-ка-во. Дочери, внуки и правнуки Лёнечки обитают, как уже сказано, в американском Далласе, штат Техас. Потомки Екатерины Алексеевны Назаровой обосновались в Волгограде и Москве. Мы с вами, продолжение самой бабушки Ариши, тоже москвичи. А в Ташкенте никого. Разве что застряли ненароком потомки Елизаветы Владимировны по линии польского гусара? Про то неизвестно.